С. Позднышевъ

Немеркнущій Свѣтъ

Музею Александровскому

А. Ф. Симонов[illegible]

[illegible]

С. Позднышевъ

Немеркнущій Свѣтъ

Слава Россіи

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

Очеркъ "НЕМЕРКНУЩІЙ СВѢТЪ" былъ написанъ по просьбѣ Союза Ревнителей Памяти Императора НИКОЛАЯ II въ Августѣ-Сентябрѣ 1943 года. Для изданія его, надо было получить разрѣшеніе оккупаціонныхъ властей. Это разрѣшеніе не было дано. Завѣдующій цензурнымъ отдѣломъ г. Шульце, возвращая рукопись по начальству, сопроводилъ ее слѣдующимъ письмомъ (переводъ съ нѣмецкаго):

1) Цензура просмотрѣла рукопись "Немеркнущій Свѣтъ" и не можетъ дать своего согласія на изданіе книги.

2) Изданіе книги цензура приздаетъ несвоевременнымъ.

3) Изданіе предназначено для небольшой группы русскихъ эмигрантовъ.

4) Въ рукописи есть историческія неточности.

5) Книга эта несоотвѣтствуетъ нашимъ интересамъ и направлена противъ нихъ.

6) Не надо забывать, что у насъ на службѣ имѣется много добровольцевъ — солдатъ и офицеровъ, бывшихъ совѣтскихъ гражданъ, для которыхъ содержаніе этой книги будетъ оскорбительнымъ".

Не понравившаяся нѣмецкимъ властямъ рукопись лежала до настоящаго времени подъ спудомъ. Новыхъ попытокъ къ изданію ея не предпринималось. Для этого было много причинъ. Лишь благодаря любезному, дружескому содѣйствію Полковника Александра Александровича Баумгартена, который случайно узналъ о судьбѣ моего очерка, — "Немеркнущій Свѣтъ" имѣетъ возможность появится въ печати, въ типографіи Іосифа Пименовича Остренскаго въ г. Санъ Пауло. Г-нъ Остренскій рѣшилъ принять долю патріотическаго участія въ ознаменованіи памяти убіеннаго Государя. Онъ помнитъ живо Старую Россію, попрежнему любитъ ее и не забылъ яркаго воспоминанія своей жизни — полученія изъ рукъ Благочестивѣйшаго Царя подарка.

Считаю долгомъ принести горячую благодарность Полковнику А. А. Баумгартену и І. П. Остренскому. Засимъ, приношу чувства моей сердечной признательности Княгинѣ В. Я. Эристовой и ея супругу князю Александру Николаевичу, предоставившимъ мнѣ для помѣщенія въ книгѣ рѣдкія фотографіи. Также горячо благодарю Союзъ Ревнителей во главѣ съ его высокодостойнѣйшимъ Предсѣдателемъ Генераломъ Н. М. Тихменевымъ.

Такимъ образомъ, книга предназначавшаяся къ XXV-й годовщинѣ, выходитъ въ свѣтъ къ XXX-й годовщинѣ. Это не мѣняетъ положенія: основная идея и правда остаются неизмѣнными.

Авторъ.

Николай

КЪ 25-ой ГОДОВЩИНѢ ЕКАТЕРИНБУРГСКАГО ЗЛОДѢЯНІЯ.

Задолго до наступленія роковой годовщины Совѣтъ Ревнителей Памяти Императора НИКОЛАЯ II постановилъ издать книгу, цосвященную трагедіи убіеннаго Гөсударя и Его Семьи. Значеніе и цѣль этой книги ярко и полно изложены въ письмѣ Предсѣдателя Союза Ревнителей Полковника В. В. Свѣчина къ Архіепископу Владиміру. Письмо это представляетъ для исторіи Союза и для всѣхъ интересующихся его дѣятельностью безспорно цѣнный документъ. Въ соотвѣтствіи съ задачами настоящаго очерка, представляется полезнымъ привести изъ него нижеслѣдующія строки:

..."Союзъ нашъ составляетъ книгу, которая въ настоящее время напечатана быть не можетъ, но это будетъ исполнено, какъ только наступитъ миръ. Цѣль этой книги: выявить съ величайшей наглядностью высокія душевныя качества покойнаго Государя, Его глубокое благочестіе, Его проникновенное отношеніе къ догматамъ Святой Православной Церкви, Его чисто христіанское смиреніе передъ волей Божіей, Его отзывчивость къ горю и нуждамъ своихъ подданныхъ, Его изумительное умѣнье владѣть собою, скрывая отъ всѣхъ свои личныя горести и заботы, не нарушая никогда своихъ трудовъ по управленію ввѣренной Ему Богомъ Державы, Его любовь къ правдѣ и ненависть ко всему лживому, къ лицемѣрію и къ лести, и наконецъ, Его беззавѣтную любовь къ „Матушкѣ Россіи", какъ Онъ любилъ называть нашу родину и такую же преданность къ своему народу.

Книгу эту мы хотимъ издать, украсить хорошими иллюстраціями и продавать дешево, дабы она могла широко разойтись и при томъ не столько среди эмиграціи, сколько въ освобожденной отъ краснаго ига Россіи и показала бы нашимъ соотечественникамъ ихъ послѣдняго Царя такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Наша мечта — озарить свѣтомъ правды сердца Россіянъ, дабы они поняли, какое великое преступленіе и какой тяжкій грѣхъ они совершили, забывъ присягу и предавъ своего, поистинѣ благочестивѣйшаго Царя въ руки изверговъ и сатанистовъ"...

Отрывокъ изъ главы — „Смерть Императора".

...Томленіе духа, которое Великій Князь Николай Александровичъ началъ испытывать давно, въ послѣдніе дни возросло въ огромной степени. Онъ ясно видѣлъ, какъ гасли физическія силы отца, какъ на лицѣ его уже проступала мертвенная блѣдность и синева. 18-го октября онъ записалъ въ свой дневникъ тревожныя строчки. Онѣ были коротки, но въ нихъ отразилась вся кроткая, мягкая и любящая душа его.

„Тяжелый, грустный день. Дорогой папа вовсе не спалъ и почувствовалъ себя худо утромъ, такъ что насъ разбудили и позвали наверхъ. Что за испытаніе... Около одинадцати часовъ у дяди Владимира было совѣщаніе докторовъ — ужасно... Одно упованіе и надежда на Милосерднаго Бога. ДА БУДЕТЪ ЕГО СВЯТАЯ ВОЛЯ"...

Послѣдній роковой день Великій Князь описалъ подробно. Кончина отца потрясла его. Онъ совершенно палъ духомъ. Плакалъ горькими, неутѣшными слезами. Порою ему казалось, что это только страшный кошмарный сонъ, что вотъ онъ проснется и все увидитъ инымъ, увидитъ отца здоровымъ, увидитъ вокругъ себя веселыя лица и не будетъ на душѣ мучительной тоски, горя и тревоги.

„Боже мой, Боже мой, что за день. Господь отозвалъ къ себѣ нашего обожаемаго, дорогого, горячо любимаго Папа. Голова кругомъ идетъ, вѣрить не хочется, — кажется до того неправдоподобной ужасная дѣйствительность. Все утро мы провели наверху около него. Дыханіе его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислородъ. Около половины третьяго онъ причастился Святыхъ Таинъ. Вскорѣ начались легкія судороги... и конецъ быстро насталъ. Отецъ Іоаннъ больше часу стоялъ у изголовья и держалъ за голову. Это была смерть святого. Господи, помоги намъ въ эти тяжелые дни. Бѣдная, дорогая мама. Вечеромъ въ девять съ четвертью — была панихида въ той же спальнѣ. Чувствовалъ себя какъ убитый".

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

Это еще не былъ монархъ, умѣющій скрывать свои слабости, душевныя страданія и волненія. Онъ былъ юношески молодъ, деликатенъ, чувствителенъ. Онъ переживалъ свое горе точно также, какъ переживалъ бы его всякій человѣкъ простой и не сановный. Въ то же время онъ понялъ, а можетъ быть, только смутно почувствовалъ, что на плечи его легла огромная тяжесть власти, а вмѣстѣ съ ней и отвѣтственности за судьбы Россіи. Обнимая своего шурина, мужа сестры Ксеніи, Великаго Князя Александра Михайловича, сверстника по лѣтамъ, онъ воскликнулъ въ слезахъ:

"Сандро, что я буду дѣлать! Что будетъ съ Россіей! Я еще не подготовленъ быть Царемъ! Я не могу управлять имперіей! Я даже не знаю, какъ разговаривать съ министрами. Помоги мнѣ Сандро"...

Въ первые дни послѣ смерти отца молодой Государь жилъ въ атмосферѣ горячки. Тысячи различныхъ неотложныхъ дѣлъ, заботъ и разговоровъ поглотили его вниманіе и время. Ему некогда было задуматься серьезно и глубоко надъ тѣмъ превращеніемъ, которое с нимъ произошло. Записи въ дневникѣ пестрили короткими фразами: „Цѣлый день отвѣчалъ на телеграммы и занимался дѣлами съ послѣднимъ фельдъ-егеремъ", „Только и дѣлалъ, что отписывался отъ тучъ телеграммъ"... "Писалъ телеграммы безъ конца"...

Смерть отца накладывала на него трауръ, печаль и скорбь. Но рядомъ съ этимъ, умиряя его сыновнія страданія, стояла свѣтлая, огромная любовь къ Аликсъ, скорое вѣнчаніе и совмѣстная жизнь. Идти одной дорогой, бокъ о бокъ, чувствовать біеніе ея сердца, теплоту ея тѣла, дышать однимъ воздухомъ, молиться одному Богу, — представлялось ему, какъ самое дорогое, завѣтное и радостное счастье. Эта волна влекла его къ широкимъ, синимъ горизонтамъ, къ таинственнымъ прекраснымъ берегамъ. Сила жизни, — сильнѣе преградъ, сильнѣе смерти. Передъ торжествующей любовью постепенно отступало горе. Уже 21 октября Государь записалъ въ дневникъ:

„И въ глубокой печали Господь даетъ намъ тихую и свѣтлую радость. Въ 10 часовъ, въ присутствіи только семейства, моя милая, дорогая Аликсъ была миропомазана и послѣ обѣдни мы причастились вмѣстѣ съ нею, дорогой мама и Эллой. Аликсъ поразительно хорошо и внятно прочла свои отвѣты и молитвы"..,

А она — „дорогая душка Аликсъ", прекрасная какъ распустившійся цвѣтокъ, ласкала бѣлыми тонкими руками его волосы, ласково смотрѣла на него чудными го-

лубыми глазами и говорила ему нѣжныя слова: „Родной мой, безцѣнный мой, не могу выразить тебѣ, какъ я люблю тебя. Быть твоею, отдать тебѣ всю мою душу, и сердце, всю силу моей любви, для меня есть величайшее счастье, Это счастье наполняетъ меня восторгомъ. Я лечу, какъ птица къ небу. Есть ли что-нибудь выше и чище этой любви. Господи, за что ты мнѣ послалъ такую радость".

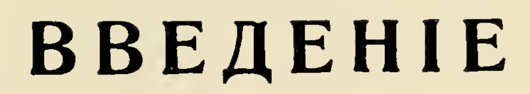
Трудно было думать, и не могъ думать, въ такія минуты молодой Императоръ о томъ что кончилась его беззаботная, счастливая молодость; кончилась невозвратная и неповторимая пора жизни. Передъ нимъ лежала невѣдомая, дальняя дорога. Онъ не зналъ, куда она приведетъ его, но вѣрилъ въ счастливую звѣзду, вѣрилъ въ то, что говорила ему умная, разсудительная, солнечно-радостная Аликсъ:

„Мой милый Ники. Ты Богомъ поставленъ на царство. Твой долгъ теперь трудиться неустанно для блага подданныхъ. Я хочу, чтобы твое царствованіе было самымъ блестящимъ, самымъ замѣчательнымъ. Я хочу, чтобы русскій народъ тебя любилъ такъ, какъ я тебя люблю, чтобы онъ благословлялъ твое имя и гордился тѣмъ, что ты его Императоръ"...

(Часть I-я: „На зарѣ жизни", глава послѣдняя — окончаніе: „Смерть Императора").

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА
АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА

ВВЕДЕНІЕ

Александра

ВВЕДЕНІЕ

"Милый другъ, иль ты не видишь,
Что все видимое нами
Только отблескъ, только тѣни
Отъ незримаго очами"...

Вотъ представляется взору синяя птица. Она летитъ въ свѣтлой прозрачности синяго неба къ краю горизонта и тамъ гдѣ-то, далеко, въ голубомъ туманѣ исчезаетъ.

Синяя птица — это наша жизнь въ ея символическомъ духовномъ обозначеніи. Таинственно зарождаясь, она проносится по землѣ, подсознательно и безотчетно стремится къ небу, ищетъ высшей правды, гоняется за неуловимымъ счастьемъ и, уставъ, обезсилѣвъ, незамѣтно исчезаетъ во тьмѣ невѣдомаго.

Бѣгутъ неустанно годы и, какъ потоки, волна за волной, скрываются въ вѣчности. Телѣга жизни быстро катитъ впередъ. "Ямщикъ лихой, сѣдое время, везетъ, не слѣзетъ съ облучка"... Слышатся до боли грустныя, напѣвныя слова:

"Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ"...

(Козловъ)

Когда думаешь о прошломъ, о пройденномъ пути, о людяхъ, съ которыми жилъ и которыхъ уже нѣтъ, становится грустно, щемитъ и томитъ сердце печаль и такъ мучительно и нѣжно жаль это ушедшее безвозвратно прошлое. Погасли огни, потускнѣла рампа жизни, отгремѣли страсти, замолкла борьба, волненія и успокоился человѣкъ навсегда.

Но не все кончается со смертью человѣка. Остаются идеи, идеалы и прекрасныя мечты, что вдохновляли сотвореннаго по образу и подобію Божію, служили ему путеводными звѣздами и влекли его къ далекимъ зарницамъ жизни. Даже не реальныя, или въ новые дни неосуществимыя, но завѣтныя, онѣ будутъ манить къ себѣ, волновать и очаровывать человѣчество отблескомъ таинственной красоты промчавшихся вѣковъ и будутъ говорить сердцу о чемъ-то дорогомъ и свѣтломъ, какъ тихій свѣтъ вечерній.

Такъ развалины древняго храма, стертыя каменныя ступени, руины дворцовъ, заброшенный, одичалый садъ, или паркъ, приковываютъ къ себѣ взоры и мысли и наполняютъ сердце мечтательной грустью и непонятной, необъяснимой жалостью. Въ воображеніи встаютъ чудныя картины: представляются древнія царства, чужая жизнь и невѣдомые люди, что прошли здѣсь свой жизненный путь, — любили, страдали, вѣрили и ненавидѣли, боролись и торжествовали, или падали побѣжденные. Кажется порой, будто слышится изъ потонувшаго міра далекій колокольный звонъ.

Время рукой безпощадною стираетъ все и постепенно, шагъ за шагомъ, отдаляетъ отъ насъ живую яркость событій, свидѣтелями которыхъ мы были сами. Въ туманѣ прошлаго они тускнѣютъ, принимаютъ смутныя, призрачныя очертанія. Они остаются для потомства такими, какими ихъ представляла въ послѣдній моментъ или восторженная любовь, или слѣпая, страстная ненависть, подогрѣтая ложью, клеветой, глупостью и безграничной подлостью.

Двадцать пять лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ въ Екатеринбургѣ, въ глухую сѣверную ночь, былъ разстрѣлянъ русскій Царь вмѣстѣ со своей семьей. Его убійцами, моральными и физическими, были самые послѣдніе изъ послѣднихъ. Онъ былъ разстрѣлянъ безъ суда, безъ обвиненій, украдкой, воровски, подло. Это кровавое событіе легло позоромъ и безчестьемъ на русскій народъ и не смыть его никогда ни покаяніемъ, ни лживыми, наивными оправданіями.

"Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ". Вотъ что надо сказать правдиво и честно. Надо вмѣстѣ съ этимъ молить Творца простить намъ великій грѣхъ, какъ простилъ Онъ блудницѣ и благоразумному разбойнику въ послѣдній часъ. Увы, намъ еще далеко до всенароднаго покаянія. Мы еще отравлены клеветой и сплетнями, отравлены политическими доктринами и наши глаза и наша совѣсть еще не способны видѣть истину.

Зло не любитъ свѣта; зло не любитъ правду. Темныя силы продолжаютъ клеветать съ прежней настойчивостью. Они пытаются укрыть "отблескъ незримаго свѣта", который пробивается передъ сознаніемъ, передъ человѣческой совѣстью, изъ подвала Ипатьевскаго дома. Имъ страшенъ и ненавистенъ этотъ свѣтъ, какъ ненавистна была царская Россія. Напрасно! Рано или поздно придетъ день, когда русскій народъ узнаетъ правду и увидитъ въ немеркнущемъ сіяніи своего праведнаго Царя, отдавшаго жизнь за беззавѣтно любимую имъ Матушку-Россію. Нельзя скрыть огонь, пылающій среди ночи на вершинѣ горы. Нельзя жить безъ вѣры въ торжество справедливости. "Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ"!

* * *

Есть въ жизни жуткія мгновенія. Мы никогда не забудемъ тотъ роковой день, когда разнеслась страшная вѣсть объ убійствѣ Царя. Въ это жестокое, окаянное время, обезумѣвшая Россія неслась по мутному, бурному потоку, захлебываясь кровью. Безъ счета падали головы; безъ счета совершались злодѣянія. "Революцію въ бѣлыхъ перчаткахъ дѣлать нельзя", сказалъ Ленинъ. "За одну нашу голову — тысяча головъ буржуазіи", заявили громогласно Зиновьевъ и Троцкій. Въ глазахъ этихъ извергов̆ъ человѣческая жизнь не представляла никакой цѣнности. "Большевизмъ не есть институтъ благородныхъ дѣвицъ. Дѣти могутъ и должны присутствовать при казняхъ и должны радоваться смерти враговъ пролетаріата", поучалъ Ленинъ.

И тѣмъ не менѣе Екатеринбургская драма поразила сердца многихъ. Это было величайшее злодѣяніе, жертвой котораго сталъ носитель Верховной Власти; — не разбойникъ, не самозванецъ, но русскій Царь. Еще такъ недавно отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, по всей необъятной странѣ, неслось: "Боже Царя храни"... Еще такъ недавно къ Нему неслись сердца и души и лучшія чувства. "Какъ же такъ? Неужели конецъ, — конецъ всему, конецъ Россіи?"... трепетно срывались слова.

Россія горѣла въ огнѣ гражданской войны. Среди боевъ пришло извѣстіе. Вечеромъ, когда стихло сраженіе, — въ станицѣ надъ Дономъ отслужили первую панихиду. Въ вечернемъ сумракѣ горѣли ярко свѣчи. Приходили старики и старухи, набожно крестились, клали земные поклоны и молча становились въ сторонку. Было по особому тихо, точно тутъ въ храмѣ стояли гробы съ покойниками. Служилъ старый священникъ въ вели-

копостномъ, черномъ облаченіи. Передъ началомъ онъ сказалъ простое сердечное, пастырское слово. Но падали его слова, какъ огненныя искры на сердца и души, жгли и возбуждали.

"Братіе и сестры. Что я вамъ скажу сейчасъ? Найду ли слова утѣшенія? Услышитъ ли Господь вопль мой? Отступилась Россія отъ Бога. Снова мы распинаемъ Христа. И отъ насъ отступился Господь. Въ сердцахъ нашихъ не любовь христіанская, а ненависть и злоба. Духъ Каина засѣлъ въ насъ. Не ликъ ангельскій, а демонская образина на нашихъ лицахъ. Вотъ я стою передъ близкимъ концомъ земной жизни и болитъ душа моя. Болитъ потому что увидѣлъ я великое паденіе нашего народа. Душой овладѣваютъ чувства, которыя такъ хорошо высказалъ нашъ поэтъ:

"Бываютъ минуты, тоскою убитый,
На ложѣ до утра безъ сна я сижу,
И нѣтъ на устахъ моихъ теплой молитвы,
И съ грустью на образъ святой я гляжу...
И дума за думой на умъ мнѣ приходитъ,
И жаръ непонятный по жиламъ течетъ,
И сердце отрады ни въ чемъ не находитъ...
И волосъ отъ тайнаго страха встаетъ...

И вспомню я крестъ на Голгофѣ позорный,
Облитаго кровью Страдальца на немъ,
При шумѣ и кликахъ насмѣшки народной
Поникшаго тихо покорнымъ челомъ"...

(И. Никитинъ)

И вотъ думается мнѣ: повторяются времена евангельскія. Вмѣстѣ съ благочестивѣйшимъ Государемъ, мы распяли Христа. Спаситель принялъ мученія и крестную смерть за весь міръ, за все человѣчество. Государь Николай Александровичъ принесъ себя въ жертву за русскій народъ. "Нѣтъ больше тоя любви, да кто душу свою положитъ за други своя", сказалъ Спаситель. "Можетъ быть нужна искупительная жертва, чтобы спасти Россію? Я буду этой жертвой. Да свершится воля Господня", сказалъ Государь... Помолимся же, братіе, объ упокоеніи душъ свѣтлыхъ мучениковъ. Помолимся и о нашей бѣдной Россіи... Боже милосердый, Ты принялъ священную жертву. Спаси насъ припадающихъ къ Тебѣ. Спаси отъ бѣдъ рабы Твоя Богородице".

Слово стараго Протоіерея я записалъ въ дневникъ, чтобы вспомнить его черезъ четверть вѣка. Несомнѣнно, этотъ батюшка былъ великій идеалистъ, романтикъ и человѣкъ праведной жизни.

* * *

Мы не умолили Творца. Мы не смогли потушить пожаръ. Революція оказалась сильнѣе насъ. Она пользовалась всѣми средствами, не исключая и тѣхъ, которыя мы считали аморальными и безчестными. "Цѣль оправдываетъ средства", говорили вожди революціи. Они обѣщали человѣчеству великія блага. Они звали къ чему-то новому, неизвѣданному, къ новой прекрасной жизни. Ихъ пропаганда была искусна. Она пугала возвратомъ къ старому. Она разжигала ненависть. Она интриговала, науськивала, озлобляла. "Грабь награбленное" — Все твое. "Кто былъ ничѣмъ — тотъ станетъ всѣмъ". Она увлекала великой мечтой. Въ заманчивой формѣ она звала русскій народъ отдать "власть холопамъ, силу супостатамъ, смердамъ честь, измѣнникамъ ключи". И она побѣдила. Россія —

"Поддалась лихому наговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла усадьбы и хлѣба,
Разорила древнія жилища,
И пошла поруганой и нищей
И рабой послѣдняго раба"... (Волошинъ)

Все что было чистаго и благороднаго въ русскомъ народѣ, весь его жертвенный пафосъ и честь, вся историческая наслѣдственность соединилась и объединилась въ бѣломъ движеніи. "На всемъ необъятномъ пространствѣ страны оставалось только одно мѣсто, гдѣ открыто развивался трехцвѣтный національный флагъ, — это ставка Корнилова.

Какимъ восторгомъ горѣли сердца молодежи, шедшей въ бой за Русь Святую. Какія нечеловѣческія испытанія они переносили и готовы были перенести за счастье Родины и родного народа. Какъ радостно и гордо пѣли молодые орлы, борясь за великій національный идеалъ:

"Выйти изъ мрака постылаго
Къ зорямъ борьбы за Народъ.
Слышите сердце Корнилова
Въ колоколъ огненный бьетъ"...
(П. Савинъ)

Било огненнымъ набатомъ сердце вождей, и отзывалось сладостнымъ горенiемъ въ душахъ молодежи. Сколько крови было пролито за Свободу и Счастье, за Святое Дѣло! Сколько могилъ осталось сзади, когда послѣднiе остатки покинули родную землю. Объ этомъ знаетъ только Господь Всевѣдущiй! Прощай родная земля! Не сбылись наши свѣтлыя мечты о Великой Побѣдѣ. Не встрѣтитъ державная Москва колокольнымъ звономъ своихъ освободителей. "Свѣтлый стягъ надъ нашими полками не взыграетъ больше никогда"...

Съ тѣхъ поръ разошлись русскiя дороги. Залегла между ними мертвая пустыня съ колючей проволокой, съ наблюдательными вышками, съ кордонами, съ караулами, съ полицейскими собаками. Заросли чертополохомъ пути и стежки въ родную землю. "Поражу Пастыря и разсѣются овцы". Одни ушли въ изгнанiе, другiе остались въ Отечествѣ, ожидая исполненiя обѣщанныхъ благъ, — земли, воли и медовыхъ рѣкъ въ сладкихъ кисельныхъ берегахъ.

Настали страшныя кровавыя русскiя ночи. Замело, запуржило ледянымъ дыханiемъ надъ великой, несчастной, одичалой страной. Сбылась старая русская сказка. Сбылась, какъ пророчество. Продалъ человѣкъ душу чорту, позарился на чужое добро, думалъ получить много золота. Соблазнился отъ бѣдности, или отъ жадности. Разорялъ, грабилъ, жегъ, убивалъ, все дѣлалъ по приказу, чего требовалъ лукавый, хитрый бѣсъ. Все ждалъ обѣщаннаго. Надѣли ему шлыкъ на голову, налѣпили красную звѣзду, заполыхали надъ нимъ багровыя полотнища съ серпомъ и молотомъ. И не дождался.

"Я-ль въ тебя посмѣю бросить камень,
Осужу-ль твой страстный, буйный пламень?
Падши ницъ тебѣ-ль не поклонюсь,
Слѣдъ босой ноги благословляя,
Ты моя гулящая, хмѣльная,
Во Христѣ юродивая Русь"...

(Волошинъ)

Много воды утекло за эти долгiе годы. Никому изъ насъ не досталось въ жизни счастья. За черный, страшный грѣхъ Цареубiйства, за кровь чистыхъ передъ Богомъ и людьми Царевича и Царевенъ, за кровь неповинную, за святотатства и богохульство, за все зло, совершенное вѣденiемъ и невѣденiемъ, русскiй народъ понесъ наказанiе. Въ жестокихъ, неслыханныхъ страданiяхъ прошла эта четверть вѣка. И нѣтъ еще избавленiя и

нѣтъ еще прощенія!.. Счастье обмануло прекрасную мечту. Ничего не оказалось: ни земли, ни воли. А медовыя рѣки текли гдѣ-то такъ далеко, что и не добраться къ нимъ никогда. Родная земля стала мачехой. Родной домъ сталъ тюрьмой. Голодному, запуганному человѣку постоянно внушали, постоянно твердили: "ты самый счастливый и свободный въ мірѣ; у тебя самая радостная жизнь"... И онъ повѣрилъ и повѣривъ, запѣлъ, сочиненную лжецами пѣсню:

"Широка страна моя родная
Много въ ней полей, лѣсовъ и рѣкъ
Я другой такой страны не знаю,
ГДѢ ТАКЪ ВОЛЬНО ДЫШЕТЪ
ЧЕЛОВѢКЪ"...

И жуткая была эта пѣсня рабовъ. Рабовъ, у которыхъ отняли Бога, религію, душу, святость, мораль, семью и все что было лучшаго и духовно-нравственнаго въ русскомъ народѣ и въ русской жизни. Революція, какъ смерчъ, все разрушила, переломала, выкорчевала съ корнемъ. Ничего не оставила изъ того, чѣмъ жили предки, отцы и дѣды. Святая Русь — мечта нашей души, нашъ идеалъ, наша свѣтлая сѣверная звѣзда, наше православное царство съ православнымъ Царемъ, — потонула внезапно въ мертвящей пучинѣ смуты. Тамъ, гдѣ рѣялъ державный, двуглавый орелъ, гдѣ золотымъ блескомъ сверкала великая Восточная Имперія — третій Римъ, гдѣ осуществлялась правда и милость, гдѣ царствовала жизнь, — тамъ утвердилась шайка агентовъ міровой революціи — людей безсердечныхъ, безжалостныхъ, безпринципныхъ и аморальныхъ. Они объявили матеріализмъ новой религіей человѣчества. Не стѣсняясь въ средствахъ, они начали строить новый міръ новаго человѣка... И полилась кровь.

Не сладкой оказалась и наша жизнь на чужбинѣ. Никому мы были не нужны; никто нами очень не интересовался; нашимъ словамъ никто почти не вѣрилъ, и никого не волновала совѣсть о томъ, что на пространствѣ одной шестой части суши царитъ невиданный и неслыханный терроръ и безпредѣльный гнетъ и ужасъ. Не повѣрили сначала, не вѣрятъ и понынѣ. Да если бы и повѣрили, лицемѣрно умыли бы руки, какъ Пилатъ. Сброшенные революціей съ вѣсовъ національной исторіи, мы превратились, въ подавляющей массѣ, въ чернорабочихъ, ради куска хлѣба. Тоска по родинѣ сушила серд-

це, пока не зарубцевалась рана. Далекая, недоступная, — она снилась намъ во снѣ и на яву, какъ самая прекрасная, чудесная, одухотворенная страна.

Любовь къ Родинѣ, неумирающая мечта о томъ, что придетъ когда-то желанный, радостный день, когда мы возвратимся на землю отцовъ нашихъ, принесемъ русскому народу то, что унесли на чужбину, за что боролись и страдали, — нашъ русскій историческій идеалъ, нашу идею, нашу вѣру и наши чаянія въ возрожденіе Россіи, въ ея духовное перерожденіе, въ ея святость, въ исканіе Бога и въ ея царственное величіе, — поддерживали силы и не давали падать духомъ. Символически эмиграцію можно было бы сравнить съ евангельскими людьми, изгнанными за правду, которые шли по невѣдомымъ, незнаемымъ дорогамъ въ Землю Обѣтованную; стояла надъ ними глухая ночь, міръ лежалъ во тьмѣ, а они все шли, шли впередъ, уже уставшіе, какъ евреи въ пустынѣ.

"Не унывай, пусть буря гонитъ
Твою ладью на груды скалъ,
Пусть парусъ рветъ и мачту клонитъ,
Пускай далекъ твой идеалъ.
Пусть ты погибнешь... Но примѣромъ
Ты павшихъ духомъ пристыди,
Зажги огонь въ туманѣ сѣромъ
Надъ моремъ зла... Иди, иди!"

Эти чудныя строчки написалъ когда-то русскому юношѣ русскій бѣлый офицеръ, прошедшій черезъ огонь Гражданской Войны, израненный, искалѣченный, потерявшій здоровье и силы. Онъ давно уже умеръ на чужбинѣ, но призывъ его, какъ зовъ пророка, какъ крикъ орла съ высокихъ скалъ, все еще звучитъ и будитъ Великую Мечту. Сойдутъ одни въ могилу, — мерцающій во тьмѣ огонь, идею и свѣтлый идеалъ возьмутъ другіе и понесутъ впередъ къ зарницамъ грядущаго Разсвѣта.

Въ русской жизни за тысячелѣтній періодъ существованія было не мало раздоровъ, междуусобицъ и смутъ. Не разъ Россія находилась на краю гибели. Не разъ ослабленная, изнемогшая отъ внутреннихъ потасовокъ, отъ неразберихи, она становилась добычей враговъ. Слишкомъ широка, многообразна, сложна, безпутна, безпорядочна и непонятна натура у русскаго человѣка. Вся изъ крайностей. "Коль рубить, такъ ужъ съ плеча; коль любить, такъ безъ разсудку"... Въ ней ужи-

вались самыя разнообразныя и противорѣчивыя черты. То анархическія, мятежныя, разбойныя, то святыя, подвижническія, изступленно взыскующія Бога и правды Божьей на землѣ. Оттого столь рѣзкіе взлеты и невѣроятныя паденія. Оттого — юродство, скиты, вериги, страстная охрана старой вѣры, а рядомъ соловьиный посвистъ, пьяное раздолье, разбои, душегубства, богохульства и самая непристойная похабщина.

Гоголь сравнилъ Россію съ бойкой тройкой. И это, можетъ быть, самый вѣрный поэтическій образъ ея. Заливается колокольчикъ, свиститъ вѣтеръ, несется бѣшеная, вихревая тройка. И никто не знаетъ, куда несется, гдѣ остановится и чѣмъ вся эта стихійная гонка кончится. Не то свѣтъ дадимъ міру, не то палачей съ красной звѣздой. "Кто тебя выдумалъ?", задалъ вопросъ Гоголь и отвѣтилъ самъ "Знать у бойкаго народа ты могла родиться въ той землѣ, что не любитъ шутить"...

Въ роковые минуты жизни, когда государству угрожала внѣшняя опасность, или наступала бѣда внутренняя, мутилась народная совѣсть и разумъ и начиналась междуусобная брань, на Руси появлялись пророки, святители, борцы за Родину, — лучшіе люди, — хранители исторической самобытности, традицій, вѣры и безцѣнныхъ сокровищъ русскаго національнаго духа. Раздавались страстные призывы князей, царей, патріарховъ, витязей и Мининыхъ: "Постоимъ за Русскую Землю!" Кличъ будилъ народную совѣсть, молніей прорѣзалъ тьму безвременья, звалъ на борьбу. И отвѣчали на него Сусанины, Пожарскіе и сонмы героевъ.

Въ 1607 году, престарѣлый, немощный тѣломъ, но сильный духомъ, патріархъ Гермогенъ, находясь въ заточеніи разсылалъ грамоты къ русскому народу. Онъ не убоялся гнѣва и мести враговъ, не убоялся грозившей ему смерти. Гнѣвомъ и укоромъ звенитъ его голосъ.

"Слушайте людіе! Обращаюсь къ вамъ, бывшимъ православнымъ христіанамъ, ибо вы отступили отъ Бога, забыли завѣты вѣры вашей, крестное цѣлованіе преступили и клятву стоять до смерти за Домъ Пресвятой Богородицы и за Московское государство и пристали къ ложно мнимому вашему царику.

Болитъ моя душа, болѣзнуетъ сердце. Я со страхомъ и рыданіемъ вопію: "посмотрите, какъ Отечество наше расхищается и разоряется чужими. Какому поруганію предаются святыя иконы и церкви, какъ проливается кровь неповинныхъ, вопіющая къ Богу"...

Древняя Русь услышала голосъ Первосвятителя. Нашла въ себѣ силы перебороть болѣзнь. Прогнала

враговъ, уничтожила самозванцевъ, воровъ и разбойниковъ, избрала Михаила на царство и триста лѣтъ жила потомъ подъ Двуглавымъ Орломъ. Изъ Московіи превратилась въ великую міровую имперію. "Изъ невѣстъ красой и силой бранной, Не была-ль ты самою желанной?"... Но вотъ снова настала смута и снова завладѣли ею самозванцы, воры и разбойники...

Однажды Ленинъ услышалъ вечерній благовѣстъ. Гулко и мѣрно разносились надъ столицей, въ бѣлесыхъ осеннихъ сумеркахъ колокола Исакіевскаго и Казанскаго соборовъ. Звонъ говорилъ о другомъ мірѣ о другой Россіи — святой и православной, которую онъ ненавидѣлъ. Ему только передъ этимъ разсказали, что старичекъ священникъ проповѣдывалъ въ храмѣ о временахъ Антихристовыхъ. И закричалъ больной безумецъ, съ гніющимъ мозгомъ, слова дикія, безумныя и страшныя. Онъ трясся въ пароксизмѣ бѣснованія и грозилъ кулакомъ куда-то въ окно.

— Я задушу твой голосъ темная, отсталая, проклятая Русь! Я закрою твои храмы; я съ корнемъ вырву твоего поповскаго бога; я растопчу и развѣю всю эту мистику лжи и обмана. Я все разрушу и на развалинахъ создамъ новый міръ. Я дамъ народу новыхъ боговъ...

И то, о чемъ давно мечталъ, о чемъ кликушествуя, въ припадкѣ ярости, выкрикивалъ громко и гласно: "Религія есть опіумъ для народа", — Ленинъ началъ осуществлять, какъ только овладѣлъ властью. Человѣкъ безъ морали и принциповъ, безъ русскихъ корней, выродокъ, ученикъ европейскихъ бистро, — онъ спокойно плюнулъ въ русскую душу, насмѣялся и надругался надъ русскими святынями и надъ русской исторіей. Дерзость его не знала предѣловъ. Онъ ни передъ чемъ не останавливался въ достиженіи своихъ цѣлей. Началась эпоха великаго разрушенія... Но "Богъ поруганъ не бываетъ". Гонитель Христа умеръ ужасной смертью. Полтора года онъ мычалъ, какъ звѣрь. Дѣло Ленина продолжалъ Сталинъ.

"Страна возможностей великихъ,
Страна таинственныхъ чудесъ,
Страна бѣсовъ и оргій дикихъ,
Страна святынь, страна небесъ"...

(Бехтѣевъ)

Въ Москвѣ снесли Иверскую часовню, взорвали Храмъ Христа-Спасителя, разрушили древній Симоновъ монастырь, уничтожили святыни Кремля: Чу-

ГОСУДАРЬ, ИМПЕРАТРИЦА и НАСЛѢДНИКЪ
на яхтѣ "Штандартъ"

довъ и Вознесенскій монастыри, погибла подъ ударами Китайгородская стѣна, Сухарева башня, Даниловъ монастырь и по всей Руси Великой пронеслись орды новыхъ Аттилъ. Уничтожая храмы, долго держали въ тюрьмѣ святѣйшаго патріарха Тихона, разстрѣляли и замучили сотни епископовъ; тысячи священниковъ и милліоны мирянъ.

Найдутся ли теперь среди русскаго народа Сусанины и Пожарскіе? Найдутся ли Святители подобные Петру, Алексію, Іонѣ, Филипу и Гермогену? Найдутся ли святые подвижники, какъ Сергій Радонежскій, чтобы благословить на бой за русскую землю. Кто безбоязно возвыситъ голосъ во имя свободы, любви, братства, во имя человѣка и во имя Христа?

Мрачна наша жизнь. Нѣтъ у насъ основаній для радужныхъ надеждъ. Мрачна міровая пустыня. Но гдѣ-то вдали мерцаетъ огонь. Въ душѣ теплится подсознательная, необъяснимая, непонятная вѣра: Будетъ великій день торжества. Одѣянный солнечнымъ свѣтомъ пройдетъ по русской землѣ благословляющій Христосъ. И съ нимъ всѣ мученики и святые, и Царь нашъ вѣнчанный и Царица Александра и свѣтлые дѣти.

Тогда и мы, бѣдные пилигримы, дойдемъ до родной земли, поклонимся ей и скажемъ съ лаской и нѣжностью: "Ты моя Родина, мать моя нѣжная, страстно любимая, Богомъ хранимая, сильная, славная, Русь Православная, прими дѣтей твоихъ, пришедшихъ изъ изгнанія!"... "Ей гряди Господи Іисусе!"...

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА

ПОДГОТОВКА

ПОДГОТОВКА КЪ ПРАЗДНОВАНІЮ ПЕЧАЛЬНОЙ ГОДОВЩИНЫ.

Съ давнихъ поръ по великому русскому разсѣянію, въ пяти частяхъ свѣта, совершались панихиды по жертвамъ Екатеринбургской кровавой драмы. Какая-то невидимая, духовная нить протягивалась отъ трагическаго прошлаго, черезъ нерадостное, сумрачное настоящее къ далекому грядущему, которое мнилось лучезарно-радостнымъ Воскресеніемъ. Въ Парижѣ службы поначалу не имѣли постояннаго характера. Съ избраніемъ на должность Предсѣдателя Союза Ревнителей Памяти Императора НИКОЛАЯ II — Полковника Владимира Владимировича Свѣчина панихиды стали служиться три раза въ годъ: въ день рожденія, въ день тезоименитства Государя и въ годовщину его убійства.

Объ этихъ богослуженіяхъ объявлялось въ газетахъ и кромѣ того, во всѣ организаціи разсылались особыя афиши, извѣщавшія о предстоящихъ панихидахъ и призывавшія всѣхъ россіянъ придти въ Александро-Невскій храмъ, чтобы принять участіе въ общей молитвѣ объ упокоеніи душъ мученически убіенныхъ страстотерпцевъ. Такія же афиши посылались во всѣ учрежденія, гдѣ собирались русскіе люди.

Поминальныя службы въ Парижѣ обычно возглавлялъ Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Евлогій, экзархъ Патріарха Вселенскаго. Совершались онѣ торжественно съ сонмомъ духовенства и причта, въ присутствіи множества молящихся. Горѣли передъ иконами сотни свѣчей сверкали въ вышинѣ огромныя хрустальныя люстры, электрическія лампы заливали яркимъ золотымъ свѣтомъ прекрасный кафедральный храмъ. Благолѣпно, благостно и вдохновенно служилъ Маститый Іерархъ.

Въ 1936 году Полковникъ Свѣчинъ и Совѣтъ Союза Ревнителей обратились съ призывомъ ко всѣмъ русскимъ людямъ — помочь Союзу своими пожертвованіями

соорудить памятникъ Императору Великому Мученику, Его Царственной Семьѣ, Его вѣрнымъ слугамъ, погибшимъ съ ними въ Ипатьевскомъ подвалѣ отъ руки палачей. Призывъ былъ услышанъ. Со всѣхъ концовъ земли стали поступать пожертвованія и скоро явилась возможность соорудить въ лѣвомъ притворѣ Александро-Невскаго храма, по прекрасному проэкту молодого русскаго архитектора А. А. Алымова, величественный крестъ-памятникъ съ императорской короной у его основанія. Съ тѣхъ поръ панихиды совершались у этой скорбной сѣни.

Для исторіи нашей жизни на чужбинѣ, для исторіи Союза и во имя справедливости слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о Полковникѣ Свѣчинѣ, который всей душой и сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ ушелъ въ дѣло служенія памяти покойнаго Императора. Владимиръ Владимировичъ Свѣчинъ былъ въ свое время удостоенъ великой чести быть Флигель-Адъютантомъ Императора и состоять при Его Особѣ. Неудивительно что онъ лучше другихъ и многихъ позналъ кристально-чистую, идеально возвышенную, безгранично добрую душу нашего Царя. Он полюбилъ Его не только, какъ Монарха, какъ державнаго Вождя Россіи, но и просто, какъ душевнаго, хорошаго русскаго человѣка.

Сто лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ однажды, Пушкинъ, обращаясь къ друзьямъ, корившимъ его за близость къ Императору Николаю Павловичу, написалъ удивительныя строчки:

"Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю"...

Эти золотыя слова могъ бы съ равнымъ правомъ сказать и В. В. Свѣчинъ. Такимъ именно безкорыстнымъ, не льстивымъ вѣрноподаннымъ представляется онъ намъ въ своей роли ревностнаго почитателя оклеветаннаго, очерненнаго и погибшаго съ мыслью о благѣ Россіи Государя. Когда Владимиръ Владимировичъ вспоминаетъ свою службу Царю, вспоминаетъ, какъ ласковъ, мягокъ, и добръ и благороденъ былъ благочестивѣйшій Монархъ, какъ Онъ страдалъ, встрѣчая непониманіе, клевету и гнусныя сплетни, — онъ неизмѣнно волнуется, голосъ его срывается и на глазахъ навертываются у старика слезы.

Флигель-адъютантъ полковникъ
В. В. Свѣчинъ

Организаціи, принимавшія неизмѣнно участіе въ устройствѣ панихидъ, были слѣдующія: Русскій Обще-Воинскій Союзъ, Совѣтъ Старѣйшинъ Всезарубежнаго Объединенія Морскихъ Организацій, Казачій Совѣтъ во Франціи, Союзъ Георгіевскихъ Кавалеровъ, Зарубежный Союзъ Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ, Гвардейское Объединеніе, Союзъ Дворянъ, Союзъ Пажей, Объединеніе б. Юнкеровъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, Объединеніе б. Воспитанниковъ Императорскаго Александровскаго Лицея, Объединеніе б. Воспитанниковъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія и Союзъ Кадетскихъ Корпусовъ.

Въ этихъ организаціяхъ была представлена вся наша культурная, служебная, военная, штатская, гражданская и общественная Россія; всѣ народности, всѣ религіи, всѣ соціальные классы и слои. Какъ въ каплѣ воды отражается синее небо, такъ въ этихъ осколкахъ былого отражалась наша далекая Родина съ ея богатой, красочной, многообразной жизнью.

Являлись ли поминальныя службы лишь исполненіемъ установленнаго церковью обряда и исконнаго русскаго обычая — молитвы объ усопшихъ. Было ли въ этомъ настойчивомъ повтореніи службъ, что то повседневное, будничное и формальное, что въ общежитіи обычно называлось "отбытіемъ номера". Не руководились ли устроители и приходящіе на панихиды какими-либо своими, эгоистическими и честолюбивыми побужденіями?

На эти вопросы можно отвѣтить только рѣшительнымъ — нѣтъ! Историческая Россія, шедшая тысячу лѣтъ подъ великокняжескими, царскими и императорскими стягами, Русь православная, хлѣбосольная, патріархальная и святая канула въ вѣчность, безжалостно разбитая революціей. Помазанникъ Божій, Царь и Самодержецъ Всероссійскій погибъ въ подвалѣ со всѣмъ семействомъ и никого не осталось, кто бы похвалилъ за это молитвенное рвеніе.

Былая Россія отошла въ прошлое; какъ древній градъ Китежъ потонула она в томъ великомъ потокѣ смуты, который разлился по ея безконечнымъ просторамъ. Не было и не могло быть поэтому затаенныхъ личныхъ мотивовъ; не зачѣмъ было играть фальшивую, лукавую, показную роль и никому присутствіе на панихидѣ не могло быть записано въ послужной формуляръ.

Почему же ежегодно звучала подъ сводами храмовъ "Вѣчная Память"? какую благую цѣль преслѣдовали торжественныя и печалныя моленія о Государѣ и Его Семьѣ? Почему всякій разъ были полны

храмы молящимися и что заставляло ихъ прiѣзжать на панихиду даже изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ?

Здѣсь прежде всего надо отмѣтить одно благодатное явленiе. Потерявъ родину русская эмиграцiя обрѣла на чужбинѣ пламень молитвы. Въ теченiе десятилѣтiй передъ революцiей въ русскомъ народѣ подтачивалась, ослабѣвала и гасла отеческая вѣра. Однихъ поразилъ скептицизмъ, вольнодумство, теплопрохладность: другiе въ безумiи всезнайства, тупости и пустоты, объявили насмѣшливо: "нѣтъ Бога". И первымъ и вторымъ дьяволъ нашептывалъ соблазнительныя слова: „вы будете сами, какъ боги; вы будете знать добро и зло". Русскiй человѣкъ сталъ забывать дорогу въ храмъ; гасли постепенно свѣтильники вѣры; холодѣла душа. Ленинъ придя нанесъ послѣднiй ударъ.

И вотъ въ изгнанiи человѣкъ ощутилъ свою жалкую безпомощность передъ лицомъ судьбы. Онъ понялъ до конца, до самой глубины, смыслъ древнихъ словъ царя Давида: "Не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческiе". Въ жуткомъ одиночествѣ оказался онъ въ чужомъ, чуждомъ и холодномъ мiрѣ. Душа потянулась къ Богу, онъ началъ строить на чужбинѣ храмы и въ этомъ было нѣчто провиденцiальное. Можно сказать словами поэта: Христосъ "всѣхъ съ Собой страданьемъ сближенныхъ, въ жизни долею обиженныхъ, угнетенныхъ и униженныхъ, осѣнилъ своимъ крестомъ"... Эмиграцiя взяла наслѣдiе предковъ, приняла церковь чистую и непорочную и понесла ее по мiровымъ дорогамъ.

Есть и другое обстоятельство, такое же духовно-нравственное и возвышенное. Когда эмиграцiя, послѣ бурь Гражданской войны, осѣла на чужихъ земляхъ, она впервые узнала правду о жизни послѣдняго русскаго Царя и Царицы въ заточенiи. Каждому непредубѣжденному человѣку, желающему видѣть и слышать правду, ей поклоняться и ее идеализировать, стало непреложно яснымъ, что царственная чета въ страданiяхъ достигла той возвышенности душъ, какая недосягаема для смертныхъ. "Кто не возметъ своего креста и не послѣдуетъ за Мною, тотъ не внидетъ въ Царство Небесное", сказалъ Христосъ. Они этотъ крестъ безропотно донесли до Голгофы. Это даетъ право нацiональной эмиграцiи вѣрить, что души, прiявшихъ мученическiй вѣнецъ, предстоятъ у Престола Царя Царствующихъ.

Не имъ нужна наша грѣшная молитва. Она нужна намъ, нужна русскому народу, Нужна Россiи. Потому, что "кровь ихъ на насъ и на дѣтяхъ нашихъ". Молясь объ убiенныхъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ возносимъ покаян-

ГОСУДАРЬ и НАСЛѢДНИКЪ во время войны

ную мольбу о снятіи съ души русскаго народа кровавыхъ пятенъ; мы молимъ Творца о прощеніи нашихъ согрѣшеній, совершенныхъ во дни затмѣнія національныхъ идеаловъ, вѣры, совѣсти: мы приносимъ къ Алтарю наше раскаяніе, нашъ плачъ и наши слезы. Въ этомъ смыслѣ — наше покаяніе поднимается до высоты общечеловѣческой идеи

Такими именно прекрасными, душевными и національными побужденіями руководились русскіе люди, когда воздвигали по всѣмъ концамъ земли, въ разныхъ государствахъ, памятники, чассовни, храмы и дома въ честь убіеннаго Государя и Его Семьи.

Когда-то въ глубокой древности, у грековъ, существовалъ красивый обычай. Юноши, перебѣгая одинъ къ другому съ зажженными факелами, разносили священный огонь по Элладѣ. Это символизировало вѣчную жизнь, бѣгущіе вѣка, отъ поколѣній къ поколѣнію, изъ тьмы минувшихъ столѣтій въ таинственную мглу будущаго.

Въ средніе вѣка, когда славянскіе народы боролись за свою національную свободу, они уходили, въ горы и тамъ, на самыхъ недоступныхъ вершинахъ, по ночамъ, зажигали костры, чтобы и враги, и свои и весь міръ, видя пылающее къ небу пламя, знали, что борцы за національную идею живы, что они не сдаються и что враги безсильны затушить въ ихъ сердцахъ огонь, какъ не смогутъ угасить этихъ костровъ.

Наши заупокойныя моленія напоминаютъ тотъ же бѣгущій древній огонь отъ однихъ къ другимъ, пока не запылаетъ онъ на нашей далекой родной землѣ... Не являются ли разбросанныя по свѣту наши церковки и часовеньки тѣми горящими кострами, которые зовутъ къ молитвѣ и постоянно напоминаютъ, что русская національная идея жива, что борьба духовная за поруганную правду и за національное бытіе Россіи продолжается.

Въ минуты великихъ душевныхъ терзаній на чужбинѣ, великій Гоголь крикнулъ на весь міръ рыдающія, звенящія тоской, болью и страстью слова: "Вотъ небо клубится передо мною; звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется под ногами; струна звенитъ въ туманѣ; вонъ и русскія избы виднѣются. Домъ ли то мой синѣетъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына!.. Урони слезинку на его больную головушку!.. Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ!...

Идетъ сейчасъ великая борьба. Россія въ огнѣ, въ заревахъ, въ дыму. Какъ Гоголь, мы несемся мечтами и желаніями на родную землю. — "Матушка Россія, осѣни себя крестнымъ знаменемъ, подними свои заплаканные глаза къ голубому небу, воскресни вновь, какъ святое православное русское царство, стань снова Домомъ Пресвятой Богородицы!..."

* * *

Приступая къ подготовкѣ чествованія памяти убіеннаго Государя и Его Семьи, Полковникъ Свѣчинъ обратился къ Митрополиту Евлогію, а за симъ и къ Митрополиту Серафиму съ письмами, въ которыхъ напоминалъ Владыкамъ о томъ, что 17 Іюля сего 1943 года минетъ 25 лѣтъ съ того страшнаго дня, какъ произошла Екатеринбургская кровавая драма. Онъ просилъ ихъ не только возглавить особо торжественныя богослуженія въ своихъ кафедральныхъ храмахъ, но и предписать подвѣдомственнымъ имъ Настоятелямъ приходовъ отслужить 17/4 Іюля или 18/5 — панихиды по разстрѣляннымъ Государю, Его Семьѣ, Его вѣрнымъ слугамъ и всѣмъ русскимъ людямъ, богоборческой властью умученнымъ и убіеннымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Полковникъ Свѣчинъ просилъ Владыкъ предписать Настоятелямъ произнести передъ панихидами проповѣди, посвященныя свѣтлой памяти Августѣйшихъ мучениковъ. Кромѣ того, онъ написалъ письмо Архіепископу Владимиру въ Ниццу, а также представителямъ Союза въ тѣхъ мѣстахъ, съ которыми сохранилась возможность письменныхъ сношеній, особыя увѣдомленія и просилъ ихъ сдѣлать все возможное, дабы память Государя великомученника была наилучшимъ образомъ почтена.

О всемъ сдѣланномъ В. В. Свѣчинъ доложилъ Совѣту Союза 8-го Мая. На этомъ же засѣданіи онъ довелъ до свѣдѣнія Совѣта о томъ, что ему стало случайно извѣстнымъ, что въ Брюсселѣ оккупаціонными властями разрѣшено русской эмиграціи организовать по случаю XXV-лѣтія убійства Царя и Царской Семьи публичное собраніе. Предсѣдатель поставилъ вопросъ, — не слѣдуетъ ли возбудить ходатайство о разрѣшеніи устройства подобнаго же собранія въ Парижѣ.

Совѣтъ, обмѣнявшись мнѣніями, большинствомъ голосовъ высказался въ утвердительномъ смыслѣ. Въ виду этого, Предсѣдатель Союза посѣтилъ Управляющаго дѣлами русской эмиграціи Ю. С. Жеребкова и просилъ

Государь съ Наслѣдникомъ въ Ставкѣ
на берегу Днѣпра

его возбудить ходатайство передъ Главнокомандующимъ оккупаціонными войсками о разрѣшеніи устройства публичнаго собранія.

Управляющій дѣлами выразилъ полную готовность оказать необходимое содѣйствіе и высказалъ надежду, что сможетъ дать отвѣтъ въ недѣльный срокъ. Однако хлопоты затянулись надолго и отвѣтъ былъ сообщенъ лишь 5-го Іюня. При этомъ оказалось, что германскія власти въ просимомъ разрѣшеніи отказали.

Собравшійся въ тотъ же день Совѣтъ Союза могъ, такимъ образомъ, сосредоточить свое вниманіе исключительно на дѣлахъ, касающихся торжественнаго богослуженія. Былъ разсмотрѣнъ вопросъ о времени, когда слѣдуетъ служить панихиду: въ самый ли день печальной годовщины, или на слѣдующій день въ Воскресенье. Въ виду того, что годовщина падала на Субботу, Совѣтъ, движимый желаніемъ — предоставить возможность присутствовать на панихидѣ всѣмъ россіянамъ, занятымъ въ будніе дни работой, высказался за перенесеніе богослуженія на Воскресенье.

Засимъ, считая невозможнымъ въ переживаемое время повторить то, что въ 1938 году, при освященіи Памятника, вызвало такой чудесный общій духовный подъемъ, то есть принести вновь въ храмъ знамена и штандарты, рѣшилъ предложить всѣмъ организаціямъ возложить къ подножію Креста, подъ пѣніе "Коль Славенъ" живые цвѣты.

Эта мысль Предсѣдателя Союза была принята сочувственно, но, дабы не оказалось слишкомъ много цвѣтовъ и не образовалось у Памятника безпорядочнаго ихъ нагроможденія, Совѣтъ постановилъ предложить возложить цвѣты съ лентами лишь главнымъ Національнымъ Организаціямъ.

Въ тотъ же день Совѣтъ предложилъ созвать совѣщаніе представителей тѣхъ главныхъ Національныхъ Организацій, совмѣстно съ которыми Союзъ уже много лѣтъ служилъ ежегодно торжественныя панихиды.

* * *

Совѣщаніе Національныхъ Организацій состоялось 19-го Іюня. На немъ присутствовали:

Предсѣдатель Союза Ревнителей Полковникъ В. В. Свѣчинъ, его замѣститель Генералъ-Лейтенантъ Н. М. Тихменевъ, Члены Совѣта: А. Ф. Гирсъ, К. Н. Скуратовъ, Н. А. Татищевъ, Князь А. Н. Эристовъ, Предсѣдатель І-го Отдѣла РОВС-а Генералъ Е. Ю. Бемъ, Пред-

сѣдатель Главнаго Правленія Зарубежнаго Союза Рус. Воен. Инвалидовъ Генералъ М. Н. Кальницкій, Предсѣдатель Союза Пажей Генералъ Д. І. Гурко, Вр. исп. об. Предсѣдатель Объединенія воспитанниковъ Императорскаго Александровскаго Лицея Г. Г. Лерхе, Предсѣдатель Объединенія быв. воспитанниковъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія А. А. Половцевъ, Представитель Союза Дворянъ графъ П. К. Ламздорфъ-Галаганъ, Представитель Объединенія бывш. юнкеровъ Николаевскаго кавалерійскаго училища Ротмистръ В. В. Марковъ. Генералъ Князь Эристовъ замѣнялъ Предсѣдателя Гвардейскаго Объединенія.

Засѣданіе было открыто привѣтственнымъ словомъ Полковника Свѣчина. Онъ напомнилъ собравшимся о тѣхъ кровавыхъ событіяхъ, которыя произошли ночью 4/17 Іюля 1918 г. въ Екатеринбургѣ и которыя, какъ незаживающая рана, терзаютъ сердце и тревожатъ совѣсть.

Совѣщаніе разсмотрѣло вопросъ о днѣ и часѣ совершенія панихиды и, вполнѣ одобряя предположенія Совѣта Союза, единогласно высказалось за то, чтобы она была отслужена 18 Іюля въ Воскресенье, послѣ литургіи. При этомъ, Совѣщаніе выразило надежду, что Владыка Митрополитъ Евлогій согласится начать литургію ранѣе обычнаго.

Предсѣдательствующій ознакомилъ Совѣщаніе съ проэктомъ Совѣта о возложеніи къ Памятнику живыхъ цвѣтовъ и при семъ доложилъ, что послѣ принятаго Совѣтомъ рѣшенія, поступило предложеніе возложить вмѣсто цвѣтовъ серебряный вѣнокъ отъ имени главныхъ Національныхъ Организацій.

— Мысль эта, сказалъ Предсѣдатель, — принадлежитъ Полковнику К. Н. Скуратову и, конечно, сама посебѣ она прекрасна, но возможно ли ее выполнить, принимая во вниманіе теперешнюю стоимость серебра.

По этому поводу Полковникъ Скуратовъ высказалъ слѣдующее мнѣніе:

— Мысль о возложеніи серебрянаго вѣнка хотя и принадлежитъ мнѣ, но я на этомъ не настаиваю. Мое желаніе заключается въ томъ, чтобы печальная дата была отмѣчена чѣмъ-нибудь остающимся и могущимъ свидѣтельствовать будущимъ русскимъ поколѣніямъ о чувствахъ русскихъ людей въ настоящее время въ отношеніи своего умученнаго Государя и объ ихъ преданности убіенному Императору. Поэтому я предлагаю, въ случаѣ невозможности пріобрѣсти серебряный вѣнокъ,

Молебенъ въ Высочайшемъ Присутствіи

возложить большой вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ и бронзовую вѣтку съ соотвѣтствующей надписью.

Это предложеніе вызвало общее сочувствіе и Совѣщаніе просило Полковника Скуратова и Н. А. Татищева принять на себя трудъ по пріисканію подходящей вѣтки и, принимая во вниманіе нынѣшнія условія, высказало мнѣніе, что вѣтка можетъ быть и не бронзовой, а металической.

Далѣе Совѣщаніе постановило нужныя средства, какъ на покупку вѣтки и цвѣтовъ, такъ и на покрытіе другихъ расходовъ, связанныхъ съ ознаменованіемъ трагической годовщины, собрать путемъ подписныхъ листовъ, каковые просило Предсѣдателя Союза Ревнителей изготовить и разослать предсѣдателямъ главныхъ Національныхъ Организацій, а также и отдѣльнымъ лицамъ по его усмотрѣнію. Полковникъ Свѣчинъ обѣщалъ исполнить это постановленіе безотлагательно.

Возвращаясь къ предложенію К. Н. Скуратова и искренно одобряя идейную его сторону, В. В. Свѣчинъ выразилъ однако сомнѣніе: какъ и куда можно будетъ возложить проэктированную вѣтку. — Конструкція Креста, сказалъ онъ, — такова, что ни вѣнка, ни вѣтки ни положить, ни прикрѣпить негдѣ.

22 Іюня Предсѣдатель Союза Ревнителей совмѣстно съ К. Н. Скуратовымъ и Н. А. Татищевымъ осмотрѣлъ Памятникъ и убѣдился въ правильности того, что онъ высказалъ на Совѣщаніи.

Новое засѣданіе Совѣта Союза состоялось 22-го Іюня, на которомъ В. В. Свѣчинъ представилъ докладъ о состоявшемся 19-го Іюня Совѣщаніи.

По оглашеніи протокола Совѣщанія, Совѣтъ единогласно принялъ его къ исполненію.

Предсѣдатель доложилъ также и о томъ, что 22 Іюня Комиссія посѣтила Александро-Невскій храмъ съ цѣлью осмотра Креста-Памятника и рѣшенія вопроса, гдѣ и какъ можно будетъ хранить проэктированную вѣтку. Комиссія убѣдилась, что Предсѣдатель былъ правъ: ни вѣнка, ни вѣтки при самомъ Памятникѣ помѣстить нельзя, такъ какъ конструкція его совершенно это исключаетъ. На цоколѣ мѣсто занято короной, а на фасадѣ его ничего прикрѣплять нельзя, ибо это замаскировало бы орла — эмблему Россіи.

Такого же мнѣнія держится и архитектор-строитерь А. А. Алымовъ, который заявилъ въ письмѣ къ Предсѣдателю категорическій протестъ противъ прикрѣпленія чего-либо ко Кресту или къ цоколю.

Въ виду сего, Совѣтъ принялъ предположительное рѣшеніе, — хранить вѣтку или вѣнокъ, если удастся таковой пріобрѣсти, въ особой витринѣ на стѣнѣ храма, подобно тому, какъ это было сдѣлано съ вѣнками, возложенными ко гробу, въ Бозѣ почивающаго Царя Освободителя Императора АЛЕКСАНДРА II въ Петро-Павловскомъ соборѣ.

Вмѣстѣ съ симъ, Совѣтъ утвердилъ текстъ надписи, имѣющей быть выгравированной на вѣткѣ или на вѣнкѣ.

* * *

Послѣднее засѣданіе Совѣта, посвященное организаціи ознаменованія скорбной годовщины, состоялось 10 Іюля.

Открывъ засѣданіе, Предсѣдатель сообщилъ радостную вѣсть. Полковникъ К. Н. Скуратовъ нашелъ прекрасный серебряный вѣнокъ. Онъ состоитъ изъ двухъ пышныхъ вѣтокъ: одной дубовой и другой лавровой, перевязанныхъ внизу серебряной лентой, на которой будетъ выгравирована, утвержденная Совѣтомъ надпись:

"ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II, ЦАРЮ ВЕЛИКОМУ МУЧЕНИКУ СОЮЗЪ РЕВНИТЕЛЕЙ ЕГО ПАМЯТИ, ГЛАВНЫЯ НАЦІОНАЛЬНЫЯ ОРГАНИЗАЦІИ И ВСѢ РОССІЯНЕ ВѢРНЫЕ СВОЕМУ УБІЕННОМУ ГОСУДАРЮ".

По приглашенію Полковника Скуратова, Предсѣдатель осмотрѣлъ вѣнокъ и, найдя его во всѣхъ отношеніяхъ подходящимъ, рѣшилъ пріобрѣсти за означенную цѣну въ 10.000 франковъ*). Цѣна по нынѣшнимъ временамъ, несомнѣнно, не высокая. На другой день по осмотрѣ вѣнка, В. В. Свѣчинъ вручилъ К. Н. Скуратову указанную сумму для безотлагательной покупки таковаго. Каково же было удивленіе и радость Предсѣдателя, когда Полк. Скуратовъ сообщилъ ему, что за вѣнокъ удалось отторговать 1.000 франковъ и пріобрѣсти таковой за 9.000 франковъ.

— Однако, этимъ не ограничились заслуги Константина Николаевича, сказалъ Предсѣдатель. Онъ пожертвовалъ Союзу тѣ деньги, — которые магазинъ Золотницкаго выдалъ ему въ видѣ комиссіи.

Совѣтъ, раздѣляя радость Предсѣдателя и высоко цѣня благородство Полк. Скуратова, единодушно выра-

---

*) Въ то время франкъ стоялъ высоко и сумма эта была значительная.

зилъ ему общую отъ всего Союза глубочайшую благодарность, какъ за его труды по пріисканію и пріобрѣтенію великолѣпнаго вѣнка, такъ и за его щедрый даръ, свидѣтельствующій о его безкорыстіи и истинной преданности Августѣйшимъ мученикамъ.

Далѣе В. В. Свѣчинъ сообщилъ, что разсылка подписныхъ листовъ началась 28 Іюня и, судя по полученнымъ уже пожертвованіямъ, можно предвидѣть, что конечный результатъ сбора значительно превыситъ сумму, требующуюся для оплаты вѣнка, гравировки надписи и прочихъ расходовъ по организаціи ознаменованія предстоящей годовщины. У Союза, несомнѣнно, останется еще не малая сумма, которая будетъ использована для изданія, составляемой нынѣ Генераломъ С. Д. Поздньшевымъ книги.

Вмѣстѣ съ радостными вѣстями, Предсѣдатель Союза подѣлился съ членами Совѣта и тѣмъ, что доставило ему большое огорченіе.

— Не имѣя возможности, по болѣзненному состоянію, лично посѣтить редактора "Парижскаго Вѣстника", сказалъ В. В. Свѣчинъ, я просилъ А. Ф Гирса передать ему объявленіе о предстоящей торжественной панихидѣ, составленное, какъ обычно, съ перечнемъ всѣхъ національныхъ организацій, совмѣстно съ нашимъ Союзомъ, служившихъ со времени моего избранія въ Предсѣдатели, очередныя царскія панихиды. А. Ф. Гирсъ, исполнивъ мою просьбу, сообщилъ мнѣ по телефону, что Полк. Богдановичъ, принимая объявленіе, выразилъ сомнѣніе относительно возможности напечатать перечень организацій, сказавъ, что это врядъ ли будетъ разрѣшено.

8-го Іюля Предсѣдатель посѣтилъ г-на Жеребкова, котораго настоятельно просилъ напечатать объявленіе Союза, ничего въ немъ не мѣняя. При этомъ, онъ привелъ доводы въ пользу своей просьбы.

Управляющій Дѣлами сказалъ, что запретъ печатать списокъ организацій исходитъ отъ высшихъ германскихъ властей. Онъ обѣщалъ однако, похлопотать, чтобы была допущена та формула объявленія, какая была примѣнена къ объявленію о панихидѣ 16-го минувшаго Мая, когда объявленіе начиналось словами: "Предсѣдатель Союза Ревнителей Памяти Императора НИКОЛАЯ II извѣщаетъ"... и т. д.

— Однако, обѣщаніе это не было исполнено и наше объявленіе оказалось напечатаннымъ отъ имени Управленія Дѣлами эмиграціи.. Такимъ образомъ, пани-

хида нами заказанная и по нашей инициативѣ организованная была взята подъ чужую, такъ сказать шапку...

Бесѣдуя съ Предсѣдателемъ Ю. С. Жеребковъ сказалъ ему, что онъ намѣревается возложить отъ своего Управленія вѣнокъ съ трехцвѣтной національной лентой. За симъ, онъ сообщилъ, что отъ Главы Императорскаго Дома будетъ также возложенъ вѣнокъ, о чемъ Полковникъ Свѣчинъ уже зналъ раньше.

Подъ конецъ разговора, Ю. С. Жеребковъ спросилъ, какъ будутъ распредѣлены мѣста для оффиціальныхъ лицъ на панихидѣ. Предсѣдатель Союза отвѣтилъ, что приготовить заранѣе почетныя мѣста невозможно, разъ что панихида будетъ отслужена послѣ литургіи. Храмъ будетъ, несомнѣнно, переполненъ и расталкивать молящихся немыслимо. Но такъ какъ панихида будетъ служиться не у памятника, гдѣ было бы тѣсно при такомъ стеченіи народа, а по срединѣ храма, то отъ митрополичьяго мѣста до амвона образуется широкій проходъ. Въ этомъ проходѣ, у ступеней амвона и станутъ оффіціальныя лица.

Въ заключеніе разговора, Ю. С. Жеребковъ сказалъ, что онъ командируетъ Полк. Краснова къ Предсѣдателю Союза, чтобы обсудить съ нимъ и установить всѣ детали и подробности предстоящей церемоніи.

Полковникъ С. Н. Красновъ посѣтилъ В. В. Свѣчина наканунѣ панихиды. При этомъ свиданіи было установлено, что вѣнки будутъ внесены въ храмъ подъ пѣніе "Коль Славенъ" и прослѣдуютъ мимо амвона, на которомъ въ это время будетъ находиться Владыка Митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ собора. Первымъ прослѣдуетъ вѣнокъ отъ Главы Россійскаго Императорскаго Дома Великаго Князя ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА, засимъ — отъ Управленія Дѣлами Русской Эмиграціи и послѣ вѣнокъ, возлагаемый Союзомъ Ревнителей Памяти Императора и другими Національными Организаціями.

Въ заключеніе бесѣды Полковникъ Красновъ пожелалъ видѣть поминальный листъ и выразилъ недоумѣніе, что въ немъ не упомянута Великая Княгиня ЕЛИЗАВЕТА ФЕОДОРОВНА. На это Полковникъ Свѣчинъ отвѣтилъ, что въ заготовленномъ спискѣ, кромѣ тѣхъ, кто убиты вмѣстѣ съ Государемъ въ подвалѣ Ипатьевскаго дома, названы лишь тѣ лица, которыя доказали максимальную преданность Августѣйшимъ Мученикамъ и были отъ нихъ отдѣлены лишь въ послѣдніе дни. Это Генералъ-Адъютантъ И. Л. Татищевъ, Св. Его Величества Генералъ-Маіоръ Князь В. А. Долгоруковъ,

Наслѣдникъ Цесаревичъ

Графиня А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдеръ и Климентій Нагорновъ, которые заслужили, чтобы ихъ не отдѣляли въ молитвѣ отъ Царственныхъ Мучениковъ.

Полковникъ Красновъ просилъ дать ему поминальный листъ, чтобы показать его Ю. С. Жеребкову. Передавая листъ, В. В. Свѣчинъ сказалъ, что на измѣненіе текста поминальнаго списка онъ согласиться не можетъ, ибо списокъ этотъ имѣетъ глубоко идейный характеръ. Онъ былъ тщательно продуманъ и одобренъ въ 1938 году, когда готовилось освященіе Памятника, Совѣтомъ Союза и представителями всѣхъ Національныхъ Организацій, а также Митрополитомъ Евлогіемъ и Митрополитомъ Анастасіемъ.

В. В. Свѣчинъ надѣялся, что его доводы возымѣютъ верхъ и поминальный листъ не будетъ измѣненъ. Надеждамъ этимъ не суждено было сбыться.

* * *

Въ центрѣ серебрянаго вѣнка Совѣтъ Союза рѣшилъ прикрѣпить орденъ Св. Великомученика Георгія Побѣдоносца 4-й степени, въ память того, что покойный Государь по достоинству былъ награжденъ этимъ знакомъ высокой воинской доблести.

Для осуществленія этого желанія надо было найти Георгіевскій крестъ. Въ продажѣ ихъ нѣтъ. Узнавъ о поискахъ Совѣта, Генералъ-Лейтенантъ А. А. Гулевичъ предложилъ свой личный орденъ, дарованый ему въ началѣ войны.

Въ Высочайшемъ приказѣ отъ 25 Октября 1914 года было сказано: "Орденъ Св. Георгія 4-й степени. Начальнику штаба 9-й Арміи Генералъ-Лейтенанту Арсенію Гулевичу — за подготовку операціи по форсированію рѣки Вислы у Новой Александріи, что дало возможность перебросить въ короткій срокъ часть войскъ 9-й Арміи на лѣвый берегъ Вислы и развить дальнѣйшее энергичное наступленіе, какъ 9-й такъ и 4-й Армій, закончившееся пораженіемъ Австрійцевъ".

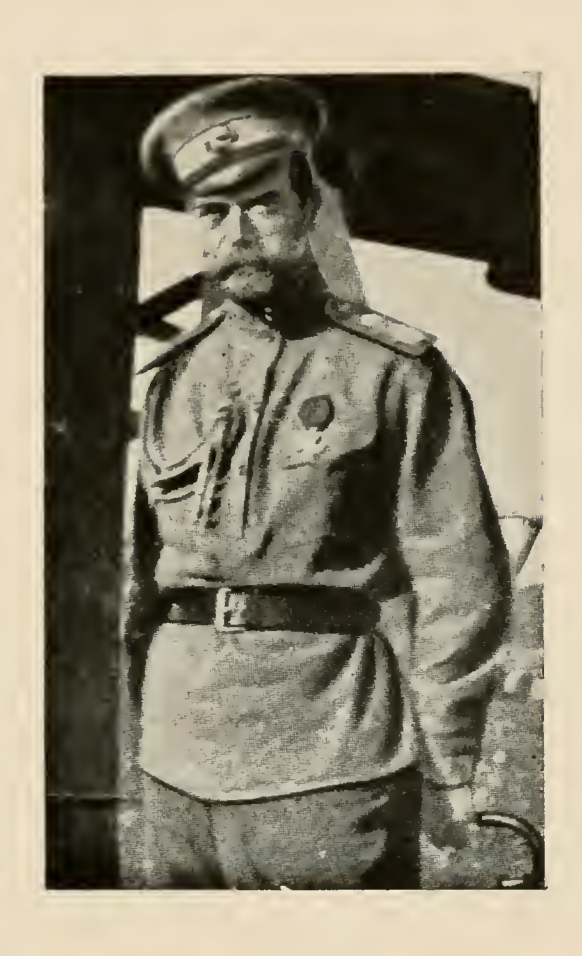
Какая гамма чудныхъ, дорогихъ воспоминаній поднимается въ душѣ при чтеніи этихъ короткихъ строкъ.

Вспоминаются мягкіе, прекрасные осенніе дни. Небо было бездонно — синее, ласковое; уходили въ безконечность прозрачныя, дымчатыя дали польской земли; стояла солнечная тишина и величаво, царственно, могучая рѣка, въ рамкѣ золотисто-багряныхъ лѣсовъ и садовъ, спокойно катила свои свѣтло-зеленоватыя воды въ Балтійское море. Надъ Ново-Александріей, надъ огромнымъ паркомъ князей Черторыйскихъ, въ

эти дни стоялъ непрерывный артиллерiйскiй гулъ, дрожала, несмолкая, ружейная стрѣльба и металическимъ, сумашедшимъ смѣхомъ жутко смѣялись над Вислой пулеметы. 9-я Армiя форсировала рѣку между Ново-Александрiей и Куземержемъ.

Тогда, въ это время, была великая Россiя, былъ благочестивѣйшiй Царь, была Слава, Честь, Достоинство и полная, спокойная, всеобъемлющая радость отъ сознанiя нашихъ побѣдъ и отъ другого сознанiя, что ты русскiй. Тогда наши сердца и души, все существо наше, пѣло гимнъ РОССIИ: "СВЯТАЯ РУСЬ. КАКЪ ДОРОЖУ МОЕЙ ЛЮБОВЬЮ И ТѢМЪ, ЧТО Я ТВОЙ СЫНЪ РОДНОЙ"...

Съ тѣхъ поръ далеко ушли наши дороги и пробѣжала бурно, какъ неспокойный горный потокъ, наша жизнь, полная трагическими событiями, порой нестерпимо скорбными и мучительными.

Государь
снимокъ въ вагонѣ послѣ отреченія

ВЪ ХРАМѢ.

ВЪ ХРАМѢ СВ. АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Стоялъ прекрасный лѣтній день. Парижъ, прославленная столица въ Европѣ, мечта для многихъ, городъ огромный и красивый, овѣянный легендами, исторической былью и сказочной романтикой промчавшихся вѣковъ, купался въ лучахъ горячаго іюльскаго солнца. Воздухъ былъ чистъ и прозраченъ. Небо сіяло свѣтлой, ровной синевой и не закрывала его желтовато-мглистая пелена — смѣсь дыма, копоти и бензиннаго чаду, которая часто до войны висѣла надъ городомъ, какъ древній столпъ облачный.

На улицѣ Дарю, у русской церкви Св. Александра Невскаго стояла большая толпа народу. Также былъ заполненъ и церковный дворъ. Для русскихъ парижанъ, считая и парижскія предмѣстья, — это было излюбленное мѣсто для встрѣчъ въ праздничный день. Сюда приходили молиться, послушать прекрасную службу, вдохновенныя проповѣди и пѣніе чуднаго митрополичьяго хора Афонскаго.

Этотъ храмъ въ центрѣ Парижа, окруженный зеленью деревьевъ хранилъ прекрасныя воспоминанія о временахъ минувшихъ и о людяхъ его нѣкогда посѣтившихъ. Передъ его алтаремъ молились Царь Освободитель и Государь Николай Александровичъ. По каменнымъ ступенямъ его широкой лѣстницы прошли многіе государственные дѣятели конца девятнадцатаго и начала двадцатаго вѣка. Тутъ русскіе эмигранты, попавшіе въ бурю моря житейскаго, послѣ революціи, нашли тихую духовную пристань. Здѣсь они молились, несли Богу живому свою печаль и скорбь, просили помощи и заступленія, взывали и плакали о спасеніи Россіи.

* * *

Торжество началось тотчасъ же послѣ божественной литургіи. На амвонъ вышелъ Высокопреосвященнѣйшій Владыко Митрополитъ Евлогій со всѣмъ духовенствомъ въ великолѣпныхъ парчевыхъ ризахъ, со-

хранившихся отъ тѣхъ благословенныхъ временъ, когда надъ русской землей парилъ, распластавъ бѣлыя крылья, орелъ двуглавый.

Вслѣдъ за симъ, изъ праваго притвора храма, вдоль алтаря, двинулась процессія: три генерала — Князь Бековичъ Черкасскій, М. Д. Нечволодовъ и А. С. Олехновичъ несли красивый большой вѣнокъ отъ Главы Россійскаго Императорскаго Дома Е. И. В. Великаго Князя ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА; вслѣдъ за ними слѣдовалъ вѣнокъ отъ Управленія Дѣлами Русской Эмиграціи во Франціи; затѣмъ генералы — Н. М. Тихменевъ и М. Н. Кальницкій несли на черномъ бархатномъ щитѣ, обрамленномъ Андреевской лентой, роскошный, чудной художественной работы, серебряный вѣнокъ. Въ центрѣ его четко выдѣлялся бѣлый георгіевскій крестъ. За ними, въ качествѣ ассистентовъ слѣдовали генералы: Е. Ю. Бемъ, А. А. Гулевичъ и С. Д. Позднышевъ.

Въ тотъ моментъ когда процессія двинулась ко Кресту-Памятнику, хоръ Афонскаго запѣлъ: "Коль Славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ". Широкой разливной волной полились плавные, прекрасные звуки одного изъ самыхъ любимыхъ, самыхъ величественныхъ, русскихъ церковныхъ пѣснопѣній.

Великъ Онъ въ небесахъ на тронѣ
Въ былинкахъ на землѣ великъ...

Въ торжественномъ напѣвѣ молитвы слышалась нетлѣнная, отъ предковъ, черезъ вѣка идущая, красота, благость и кротость. Только народъ съ душой, устремленной къ небу, могъ создать такой гимнъ и воплотить его въ дивную музыкальную композицію. Слушая пѣснопѣніе, невольно вставала передъ духовнымъ взоромъ живая, старая Родина съ ея монастырями, храмами и придорожными крестами. Сердце сладостно билось и чудилось ему, что Святая Русь незримо здѣсь присутствуетъ.

Сіяли полнымъ свѣтомъ хрустальныя люстры, горѣли ярко безчисленныя свѣчи и лампады, лился сверху, черезъ окна купола, полдневный солнечный свѣтъ и поднимался снизу синій кадильный фиміамъ. Все вмѣстѣ сливалось въ ту торжественную, солнечную красоту, которая такъ сильно и властно дѣйствовала на душу.

Это была необыкновенная минута. Отъ обыденщины, скуки и сѣрой тусклости жизни, отъ гнетущихъ, тоскливыхъ думъ, отъ житейскихъ заботъ и всякихъ передрягъ, — человѣкъ, вдругъ ощутившій что-то новое, оторвался, забылся, и душу его и сердце властно

наполнило чувство умиленія, очарованія и восторга. На глазахъ навернулись слезы — радостныя и тихія. Человѣкъ, лишенный родины, оторванный отъ нея насильственно, почувствовалъ въ словахъ молитвы всю любовь къ ней, всю нѣжность, накопившуюся отъ долгихъ лѣтъ жизни на чужбинѣ, всю силу соединяющую его съ тысячелѣтнимъ прошлымъ своего народа.

"Вездѣ, Господь, Вездѣ Ты славенъ. Во дни, въ нощи сіяньемъ равенъ"...

Полковникъ Свѣчинъ ожидалъ процессію у Креста. Онъ принялъ серебряный вѣнокъ изъ рукъ генераловъ и возложилъ его на аналоѣ, поставленномъ передъ Памятникомъ.

По возложеніи вѣнковъ, соборное духовенство: протоіереи, архимандриты, дьяконы, иподьяконы и прислуживающіе юноши заняли мѣста по срединѣ храма.

За симъ, престарѣлый, съ большой бѣлой бородой, Митрополитъ Евлогій, такъ живо напоминающій библейскаго патріарха, началъ свое проникновенное слово. Опираясь на двурогій посохъ, Владыка говорилъ мягкимъ задушевнымъ голосомъ, какъ будто старый отецъ разсказывалъ своимъ близкимъ о тяжкомъ мучительномъ горѣ.

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ О ХРИСТѢ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ.

Много горя, скорбей и страданій въ жизни человѣческой. Но разныя бываютъ эти страданія и скорби. Есть скорби, хотя и глубокія, мучительныя, но личныя, не выходящія за предѣлы личной жизни человѣка. Но есть скорби, захватывающія цѣлыя группы людей, цѣлыя общества, даже цѣлые народы, государства и даже весь міръ. Это скорби всенародныя и даже міровыя.

Такова скорбь наша, приведшая насъ подъ священный кровъ этого храма. Скорбь о нашемъ возлюбленномъ Государѣ НИКОЛАѢ АЛЕКСАНДРОВИЧѢ, звѣрски замученномъ и убіенномъ со всѣмъ своимъ Августѣйшимъ Семействомъ и нѣкоторыми вѣрными слугами. Скорбь о томъ, что мы не смогли, не сумѣли уберечь нашего вѣнценоснаго Помазанника отъ этой лютой смерти. Эта скорбь наша русская всенародная и даже, смѣю думать, міровая.

Каждый, въ комъ бьется русская душа, мучительно терзается этой скорбью и не находитъ себѣ успокоенія русское сердце, да что русское, — я думаю каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, на всемъ земномъ шарѣ, кто сознательно пережилъ нашу русскую трагедію, въ комъ не заглохла совѣсть, — не можетъ не содрогнуться сердце при воспоминаніи о ней, особенно

при мысли о томъ, что послѣ этого неслыханнаго злодѣянія до сихъ поръ міръ не можетъ успокоиться, являясь ареной величайшихъ бѣдъ и страданій.

И вотъ почему всякая скорбь, какъ бы она ни была глубока, утихаетъ, успокаивается съ теченіемъ времени. Время есть великій цѣлитель человѣческихъ скорбей и страданій. Не такъ съ нашей всероссійской скорбью, Вотъ уже прошло двадцать пять лѣтъ съ того страшнаго дня, или вѣрнѣе, съ той страшной ночи, когда обрушился на насъ этотъ ужасный ударъ, а душа болитъ, нестерпимо болитъ при всякомъ воспоминаніи объ этомъ, при всякомъ прикосновеніи къ этой незаживающей ранѣ, какъ будто она была нанесена вчера.

И невольно думается: Господи, когда же это пройдетъ. Когда душа русская, глубоко раненая этимъ преступленіемъ выздоровѣетъ, успокоится и жизнь потечетъ своей нормальной колеею. Или, говоря церковнымъ языкомъ, когда Господь проститъ Россіи этотъ великій грѣхъ, который тяжелымъ камнемъ повисъ на ея душѣ, на ея совѣсти. Неужели не проститъ никогда. Тогда погибла бы наша Великая Россія.

Изъ библейской исторіи мы знаемъ, что, когда еврейскій народъ прогнѣвалъ Господа, то Онъ не допустилъ его войти въ Обѣтованную землю до тѣхъ поръ, пока не вымерло цѣлое поколѣніе прогнѣвавшихъ Бога. Можетъ быть и надъ нашимъ поколѣніемъ тяготѣетъ такой гнѣвъ Божій, требующій жертвы цѣлаго поколѣнія и Господь ждетъ отъ насъ также покаянія глубокаго, всенароднаго.

Отдѣльные случаи покаянія, конечно, есть. Но нужно, чтобы оно было всеобщее, всенародное, горячее, отъ котораго бы потряслась вся русская земля. Этого нѣтъ. Мы живемъ обычной жизнью, какъ бы нѣкотораго окаменѣннаго нечувствія... А когда оно пройдетъ, тогда смилуется надъ нами Господь. Тогда и наши царственные мученики предстанутъ предъ Престоломъ Божіимъ и вымолятъ намъ прощеніе. Вѣдь они такъ горячо, беззавѣтно, до самоотверженія, до самопожертвованія любили Россію. Покойный Государь говорилъ: "НѢТЪ ТАКОЙ ЖЕРТВЫ, КОТОРУЮ БЫ Я НЕ ПРИНЕСЪ ДЛЯ БЛАГА РОДИНЫ", и Онъ это доказалъ, отдавъ свою жизнь и жизнь своей семьи въ искупительную жертву за Россію.

"БОЛЬШЕ ТАКОЙ ЛЮБВИ НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ, КАКЪ КТО ДУШУ ПОЛОЖИТЪ ЗА ДРУГИХЪ", сказалъ Спаситель. Эта жертва принесена. Теперь наша очередь принести такую жертву въ искупленіе нашего

грѣха за нашего Царя-Мученика, за его семью. Эту искупительную жертву мы несемъ во всѣхъ страданіяхъ и мукахъ русскаго народа и когда она будетъ принята, когда слезами покаянія и кровью смоется, очистится грѣшная русская земля, тогда придетъ спасеніе ея и вмѣсто стоновъ и воплей торжественная, громогласная "ОСАННА" пронесется по всѣмъ концамъ ея, по всему широкому простору. Сіе буди, буди. Аминь".

Поддерживаемый Иподьяконами, больной, ослабѣвшій силами, Владыко медленно сошелъ съ амвона, и началась служба, произведшая на всѣхъ молящихся глубокое, сильное впечатлѣніе, воспоминаніе о которой останется надолго.

Въ церкви было до отказу тѣсно. Она не могла вмѣстить всѣхъ пришедшихъ помолиться о блаженномъ успѣніи царственныхъ мучениковъ. Множество молящихся осталось стоять во дворѣ. И опять встаютъ вопросы: Почему въ эти смутные, грозовые дни, когда Россія изнемогаетъ въ борьбѣ и снова все гибнетъ, разрушается, горитъ, — въ храмъ пришло такое огромное количество народа? Привело ли ихъ праздное любопытство, желаніе посмотрѣть на зрѣлище? Или привела какая-то другая, изъ иныхъ побужденій, возникшая сила? Тотъ, кто сталъ бы утверждать первое, былъ бы очень далекъ отъ истины. Чужая душа — потемки. Вѣрно. Но глаза, но выраженіе лицъ, — развѣ они не являются зеркаломъ души. Человѣкъ могъ даже не осозновать того, что толкало его сюда, что происходило внутри его самого, но что было незримо въ глубинѣ то выявлялось непризвольно наружу.

Да и можно ли было не почувствовать красоты богослуженія и не вдохновиться гармоніей звуковъ. Тысячи разъ каждый изъ насъ присутствовалъ на панихидѣ; тысячи разъ слышали мы произносимыя духовенствомъ молитвы и возгласы. Все давно знакомо. Но нельзя безъ волненія внимать словамъ, съ которыми церковь провожеатъ человѣка въ далекій путь; нельзя не восторгаться чудными напѣвами торжественно печальныхъ мелодій. Всякій разъ сердце трепещетъ, предчувствуя и свой конецъ и чутко воспринимаетъ оно явственно слышный надгробный вопль человѣка на развалинахъ жизни: "Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть"...

Можно съ полнымъ основаніемъ и правомъ утвердительно сказать, что нѣтъ службы болѣе грустной, щемящей и волнующей, чѣмъ панихида.

На душу ложится печаль, какъ тьма, когда наступаетъ ночь. Она овладѣваетъ сердцемъ и устремляетъ взоръ человѣка къ тайнѣ грядущей вѣчности, къ неизбѣжной и неотвратимой могилѣ.

"Молитву пролію ко Господу и Тому возвѣщу печали моя, яко золъ душа моя исполнися и животъ мой аду приближися"...

Значительныя, строгія, глубокія слова панихиды усиливались въ своемъ воздѣйствіи на чувства, когда ихъ пѣлъ хоръ. Даже безразличный къ религіи человѣкъ, или "теплопрохладный" по слову апостола Петра, не могъ оставаться равнодушнымъ, не могъ не почувствовать небесной красоты звуковъ, то замирающихъ, глохнущихъ, то наростающихъ и потрясающихъ храмъ. Въ этотъ день хоръ Афонскаго пѣлъ особенно прекрасно. Звенѣли въ высотѣ дисканты женскихъ голосовъ, успокоительно звучали альты и сопрано и рокотали внизу густыя октавы.

"Со святыми упокой Христе душу рабъ Твоихъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль ни воздыханіе, но жизнь безконечная".

Это былъ моментъ самаго наивысшаго напряженія въ службѣ. Звуки молитвы разливались могучей, плавной волной. Они еще звенѣли, когда старый, сѣдой Протодьяконъ отецъ Николай Тихомировъ воскликнулъ:

— "Самъ Единъ еси безсмертный, сотворивый и создавый человѣка; земніе убо отъ земли создахомся и въ землю тую же пойдемъ, яко же повелѣлъ еси создавый мя и рѣкій ми: яко земля еси и въ землю отыдеши, аможе всѣ человѣци пойдемъ"...

И присоединяясь къ этой скорби, къ словамъ суровой, извѣчной правды, хоръ, не останавливая волны голосовъ, рванулся ввысь, какъ будто овладѣла сердцемъ самая острая, пронзительная боль: — "Надгробное рыданіе творяще пѣснь, аллиуія, аллиуія"...

Пѣсня человѣческой скорби сотрясала храмъ, уходила къ небу, затихала высоко подъ сводами. Она говорила Богу — невѣдомому, тайному, непостижимому, великому животворящему Духу, о томъ, что земная человѣческая мука раздираетъ сердце при разставаніи навсегда съ близкими, съ дорогими людьми.

Въ эти минуты передъ духовнымъ взоромъ молящихся стоялъ Государь съ печальными, грустными глазами, стояла Царица — вѣрная супруга, чье сердце пронизало оружіе лютой скорби, стояли прекрасные, свѣтлые, ангелоподобные дѣти и вѣрные царскіе слуги. И можетъ быть, многимъ представлялась глухая

Крестъ-Памятникъ Государю
въ Кафедральномъ Соборѣ въ Парижѣ

сѣверная ночь, подвалъ залитый кровью и палачи съ мутными, сумашедшими глазами.

Служба заканчивалась. — "И сотвори имъ вѣчную память", провозгласилъ уже у Креста-Памятника сѣдой Протодьяконъ. Печально прозвучали святыя слова. Тихія, надрывныя ноты послышались въ голосѣ. Почти всѣ, кто могъ, опустились на колѣни. Владыка — Митрополитъ, стоя у Креста, кадилъ, и густой, синій, ароматный фиміамъ наполнялъ храмъ.

Вотъ замерли послѣдніе грустные прощальные звуки "Вѣчной Памяти", и поминальная служба въ годовщину кровавой Екатеринбургской трагедіи, совершенная на чужой землѣ, окончилась. Она оставила на сердцѣ что-то свѣтлое и грустное. Можетъ быть многимъ, какъ огонь, обожгла душу. Она воскресила незабвенный образъ Того, кто олицетворялъ Россію, ея державную силу и мощь, блескъ Имперіи, законъ и право, милость и судъ и кто, какъ Христосъ, прошелъ по жизни съ тяжелымъ крестомъ и завершилъ свое великое служеніе Россіи въ роковомъ подвалѣ Ипатьевскаго дома.

ВЪ ПРОВИНЦІИ И ПО СВѢТУ.

ВЪ ПРОВИНЦІИ И ПО СВѢТУ.

Провинція не отстала отъ столицы. Въ пунктахъ наибольшаго скопленія русскихъ, гдѣ имѣются православныя церкви, были отслужены поминальныя панихиды. Это особенно трогательно, потому что эмиграція, разселенная по странѣ, внѣ Парижа, въ большей своей части, зарабатываетъ хлѣбъ насущный тяжелымъ физическимъ трудомъ. Ей приходится жить въ болѣе скромной, сѣрой и бѣдной обстановкѣ; ей приходится больше испытывать нужды и лишеній. Это вліяетъ на настроенія, на душевный складъ и на политическое міросозерцаніе. Человѣкъ озлобляется, постепенно грубѣетъ и опрощается. Прежняя психологія уступаетъ настроеніямъ рабочей среды. Въ этомъ положеніи легко впасть въ соблазнъ, легко измѣнить тому, чему поклонялся.

Можно утвердительно сказать, что священная память нашего несчастнаго Царя и съ нимъ убіенныхъ была молитвенно почтена во многихъ мѣстахъ нашего разсѣянія, только по условіямъ переживаемаго времени свѣдѣнія о семъ не могли поступить своевременно въ парижскій центръ Союза Ревнителей.

Пройдетъ время и мы узнаемъ, какъ вѣрующая Зарубежная Русь молилась за Царя чистаго сердцемъ, — непонятаго и жестоко оклеветаннаго. Молилась за невинныя жертвы: за мальчика съ тонкимъ прекраснымъ лицомъ и сіяющими глазами, котораго носилъ на своихъ крестьянскихъ рукахъ новый Сусанинъ — Климентій Григорьевичъ Нагорный, матросъ съ яхты "ШТАНДАРТЪ"; за юныхъ Царевенъ и за тѣхъ, кто не покинулъ въ страшную минуту, не убоялся смерти, не соблазнился и не отрекся, какъ соблазнились и отреклись многіе.

Давно начался крестный путь русскаго офицерства. Оно претерпѣло оскорбленія, насилія и убійства на фронтѣ; начиная съ 1918 года оно было вынуждено физическимъ трудомъ зарабатывать пропитаніе для се-

бя и семьи; уже тогда поэтъ князь Косаткин-Ростовскій написалъ свое знаменитое стихотвореніе "Грузчики"*).

"Мы грузчики... Мы разгружаемъ вагоны,
Мы носимъ тюки на усталой спинѣ...
Мы тѣ, кто носили недавно погоны
И кровь проливали за Русь на войнѣ...
За свѣтлую участь родного народа
Забывъ про опасность, въ кровавыхъ бояхъ,
Мы съ НѢМЦАМИ дрались въ окопахъ три года
Съ рѣшимостью гордой въ усталыхъ очахъ.
Водили впередъ мы въ атаки колонны,
Чтобъ дать этимъ благо родной сторонѣ...
Мы, тѣ, кто носили недавно погоны,
Мы носимъ... Тюки на усталой спинѣ"...

Покинувъ родину, послѣ борьбы, русское офицерство, интеллигенція, солдаты и казаки разсѣялись по лицу міра и составили кадры лучшихъ работниковъ. Правъ былъ Полковникъ Свѣчинъ, когда заканчивая свою послѣднюю бесѣду съ г. Жеребковымъ, сказалъ ему съ укоризной правдивыя слова:

"Позвольте мнѣ сказать Вамъ на прощанье мое мнѣніе стараго русскаго офицера по поводу Вашихъ публичныхъ выступленій. Къ сожалѣнію, Вы въ своихъ рѣчахъ несправедливы къ эмиграціи. Есть, конечно, среди нея дегенераты и опустившіеся люди, марающіе русское имя и женщины и дѣвушки, предпочитающіе легкую жизнь — труду; но это, несомнѣнно, лишь незначительное меньшинство по сравненію со всей массой эмиграціи. Наоборотъ, большинство ведетъ себя и вело за прошлые годы такъ, что составляетъ новую славу русскому имени.

Возьмите этихъ почтенныхъ генераловъ, полковниковъ, офицеровъ, проливавшихъ свою кровь за общее дѣло въ Великую Войну, возьмите этихъ губернаторовъ и другихъ статскихъ россіянъ, цѣлыми днями сидѣвшихъ за рулемъ такси, или стоявшихъ за станками на заводахъ. Возьмите нашихъ женщинъ, нѣкогда воспѣтыхъ Некрасовымъ, которыя долгія ночи проводятъ за вязаньемъ или вышивками, продавая ихъ за гроши и этимъ питая семью и не только дѣтей, но зачастую и больного мужа.

---

*) Въ рукописи, поданной въ цензуру, приведенные стихи были опущены. Также было опущено заявленіе Полк. Свѣчина — Ю. С. Жеребкову, которое излагается ниже.

Храмъ въ Брюсселѣ въ память Царя-Мученика

Развѣ эти люди не достойны уваженія. А Вы всѣхъ въ одну кашу сливаете и клеймите. Нѣтъ повѣрьте, эмиграція можетъ еще много сдѣлать, но надо къ ней сумѣть подойти и найти слова, идущія къ ея сердцу.

Неправильно также преслѣдовать, или вѣрнѣе сказать — игнорировать организаціи. Среди нихъ есть много — много хорошихъ и когда нынѣшніе страшные дни минуютъ и наступитъ мирная жизнь, тотъ кто будетъ писать объ эмиграціи, конечно, отмѣтитъ заслуги нашихъ организацій, какъ идеологическихъ, такъ и товарищескихъ, такъ и бытовыхъ"...

"Жеребковъ слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, но ничего не отвѣтилъ"...

* * *

25-я годовщина Екатеринбургскаго злодѣянія была ознаменована въ Ниццѣ тремя проявленіями:

Утромъ въ каѳедральномъ храмѣ*), о которомъ слѣдуетъ къ слову сказать, что это одинъ изъ самыхъ красивѣйшихъ русскихъ храмовъ за границей, на которомъ почилъ блескъ умершей русской славы и на которомъ попрежнему сіяютъ золотомъ императорскіе орлы, — Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Владиміръ отслужилъ съ соборнымъ духовенствомъ заупокойную литургію, а по окончаніи ея панихиду. Храмъ, какъ и въ Парижѣ, былъ переполненъ молящимися.

Затѣмъ вечеромъ было устроено Княземъ В. М. Волконскимъ торжественное собраніе. Оно состоялось въ Домѣ русскихъ военныхъ инвалидовъ. На немъ присутствовали многочисленные представители русской колоніи въ Ниццѣ. Были произнесены талантливыя рѣчи А. І. Гукасовымъ, Генераломъ Гудимъ-Левковичъ, Сенаторомъ П. П. Стремоуховымъ, Княземъ В. М. Волконскимъ и Адмираломъ Пилкинымъ.

Генералъ Гудимъ-Левковичъ продемонстрировалъ при посредствѣ волшебнаго фонаря свою коллекцію оловяныхъ солдатиковъ въ ихъ точныхъ формахъ старыхъ россійскихъ полковъ.

Сенаторъ Стремоуховъ посвятилъ свою рѣчь изложенію дѣятельности Союза Ревнителей и въ заключеніе объявилъ о состоявшемся постановленіи Приходскаго Совѣта воздвигнуть Крестъ-Памятникъ Мученику-Царю, Его Семьѣ и всѣмъ съ Ними убіеннымъ. Инціатива этого прекраснаго начинанія принадлежала Высокопре-

---

*) На бульварѣ Цесаревича.

освященнѣйшему Владыкѣ Владимиру. Крестъ-Памятникъ рѣшено водрузить въ кафедральномъ соборѣ въ одномъ изъ его притворовъ.

Приходскій Совѣтъ постановилъ необходимыя на постройку Памятника средства собрать среди своихъ соотечественниковъ по подписнымъ листамъ. Совѣтъ выразилъ полную увѣренность, что русскіе люди отзовутся на ихъ призывъ и жертвеннымъ участіемъ воздвигнутъ достойный царственныхъ мучениковъ Крестъ-Памятникъ. Постройка Памятника начнется, не ожидая окончанія сбора средствъ, такъ какъ Приходскій Совѣтъ авансировалъ нужную сумму изъ приходскихъ денегъ.

* * *

Отъ голубого Ниццкаго неба надо перенестись въ Крезо, гдѣ высятся среди фабричныхъ корпусовъ высокія сѣрыя трубы, гдѣ копоть и дымъ несутся по воздуху, гдѣ въ багровыхъ отсвѣтахъ расплавленнаго метала работаютъ тяжко и наши соотечественники.

Рабочій Крезо также отпраздновалъ печальную годовщину. 16 Іюля въ 7 часовъ вечера, послѣ работъ, въ храмѣ Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго была отслужена панихида по убіенному Царю, Царицѣ, дѣтямъ и царскимъ слугамъ. Панихида была устроена по иниціативѣ Представителя Русскаго Обще-Воинскаго Союза Капитана Б. В. Зенкевича.

Тутъ была по внѣшности другая категорія молящихся. Бѣдные, поношенные, въ жировыхъ пятнахъ, рабочіе костюмы; постарѣвшія безвременно лица, огрубѣлыя, въ ссадинахъ, распухшія руки. А душа такая же русская, вздыхающая о правдѣ, благородная душа, какъ и въ Парижѣ, какъ и въ Ниццѣ. Одинъ источникъ питалъ ее живой водой; одному Богу молилась и объ одномъ просила: "Спаси и сохрани!.. Воскресни Боже суди земли. Спаси Россію!".

* * *

Торжественная панихида въ Прагѣ была отслужена Епископомъ Сергіемъ соборнѣ съ духовенствомъ, 17-го Іюля послѣ всенощной.

Служба происходила передъ иконой, сооруженной въ кафедральномъ соборѣ жертвеннымъ и благороднымъ порывомъ русскихъ людей, почитавшихъ долгомъ своей совѣсти принести посмертные дары благочестивѣйшему Государю, Государынѣ, августѣйшимъ дѣтямъ и всѣмъ убіеннымъ съ Ними.

Икона-памятникъ въ Соборѣ въ Прагѣ

Достаточно взглянуть на фотографическій снимокъ съ этого замѣчательнаго сооруженія, чтобы убѣдиться, что этотъ памятникъ представляетъ изумительное по красотѣ твореніе русскаго таланта. При видѣ его сердце испытываетъ не только молитвенное настроеніе, но и чувство національной гордости, потому что это есть дѣйствительно образецъ высокаго художественнаго искуства.

Памятникъ изготовленъ изъ моренаго дуба. Онъ весь рѣзной. Куполъ башни поддерживаютъ витыя колонны на тяжелыхъ подставкахъ. На верху башни сіяетъ золотой крестъ. По бордюру идетъ рѣзная надпись: "ВЗИРАЯ НА КОНЧИНУ ИХЪ, ПОДРАЖАЙТЕ ВѢРѢ ИХЪ". Подъ сводомъ башенки Россійскій Императорскій Гербъ. Ниже, подъ двуглавымъ орломъ, большая икона Святителя Николая Чудотворца. По бокамъ и ниже, — иконы въ честь тѣхъ святыхъ, имена коихъ носили убіенные. Внизу, въ рѣзной рамѣ, бѣлая мраморная доска съ меморіальной надписью въ терновомъ вѣнкѣ. Подъ словами: "ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ" — виситъ бѣлый георгіевскій крестъ. У памятника, по бокамъ, два рѣзныхъ подсвѣчника изъ такого же моренаго дуба и кадки съ живыми цвѣтами и вѣчно зелеными растеніями.

Всю рѣзную работу сдѣлалъ нашъ молодой русскій эмигрантъ И. Д. Шаповъ, обучающійся этому искуству въ Прагѣ. Честь ему и хвала. Онъ не зарылъ таланта въ землю и не растратилъ его на легкую жизнь. Возрожденной Россіи такіе художники будутъ очень нужны.

Слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ, чтобы подчеркнуть идейное значеніе церковнаго строительства въ честь убіеннаго Государя. Эмиграція выполнила не только свой національный долгъ, но дала одновременно и нѣмой укоръ нашимъ великимъ союзникамъ, которые, вѣроятно, случайно забыли Того, кто спасалъ Европу отъ разгрома и остался вѣренъ данному слову до смерти.

"Мы никогда не имѣли болѣе лояльнаго друга и союзника, чѣмъ Императоръ НИКОЛАЙ", заявилъ впослѣдствіи Бьюкененъ. — "Онъ остался вѣренъ намъ до конца. Если бы онъ пожелалъ купить себѣ свободу и жизнь признаніемъ Брестъ-Литовскаго мира, нѣмцы бы его спасли"...

Ни одного памятника погибшему Государю нигдѣ, ни однимъ народомъ не было воздвигнуто.

Въ ряду многихъ сооруженій въ честь Государя, надо отмѣтить прекрасные храмы въ Брюселѣ, въ Сеатлѣ и въ Шанхаѣ. Съ чувствомъ искренней гордости, мы можемъ и должны сказать: "Достойны похвалы иниціаторы по постройкѣ храмовъ, часовенъ и надгробныхъ сѣней. Горя чистымъ огнемъ, они сумѣли сплотить вокругъ себя общественныя силы, собрать необходимыя средства и осуществить свое завѣтное желаніе. Достойны похвалы и всѣ русскіе люди, жертвенно принесшіе свои трудовыя лепты на столь прекрасное, патріотическое хорошее дѣло.

Во главѣ Комитета по сооруженію памятника въ Прагѣ стоялъ старый Измаиловецъ, почтенный генералъ Н. Н. Шиллингъ — Предсѣдатель Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ. Казначеемъ былъ Полковникъ Д. Л. Черкесъ, Секретаремъ — Полковникъ Ген. Штаба Д. П. Роговъ, коего замѣнилъ впослѣдствіи Лейтенантъ Стахевичъ — Предсѣдатель Каютъ-Компаніи. Дѣятельнымъ членомъ состоялъ Архимандритъ Исаакій — бывшій офицеръ Дроздовскаго полка.

* * *

Съ большой радостью слѣдуетъ отмѣтить, появившееся въ "Парижскомъ Вѣстникѣ" слѣдующее сообщеніе:

"18-го Іюля, въ день 25-лѣтія кошмарнаго злодѣянія — убіенія большевиками русскаго Императора НИКОЛАЯ II и всей царской семьи, въ одесскомъ храмѣ Св. Маріи Магдалины, по окончаніи литургіи была отслужена торжественная панихида по Августѣйшей Семьѣ.

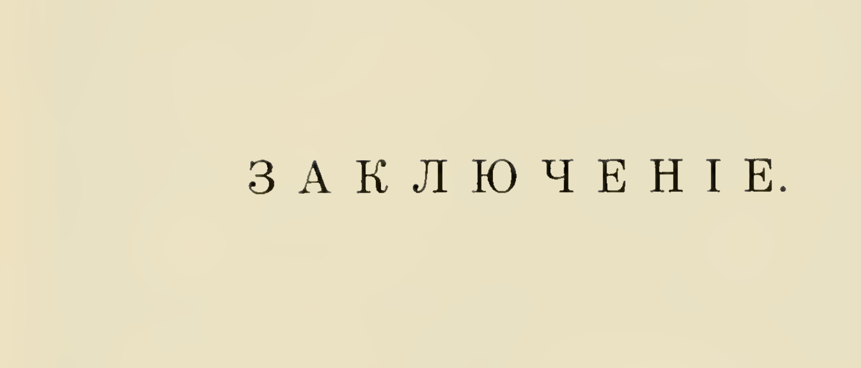
Въ виду громаднаго наплыва вѣрующихъ, желающихъ вознести молитву объ Августѣйшихъ Мученикахъ, панихида совершалась во дворѣ церковной ограды.

Возглавлялъ богослуженіе заслуженный протоіерей, георгіевскій кавалеръ о. Леонидъ Пупановъ, сказавшій передъ панихидой краткое слово объ ужасномъ событіи убійства императорской семьи"...

Эта панихида на родной землѣ для насъ особенно знаменательна. Она, какъ лучъ изъ за кордона, прорвавшійся черезъ щель, освѣтила то, что было сокрыто отъ насъ непреодолимыми стѣнами. Она укрѣпляетъ нашу вѣру въ нашу правду и даетъ надежду въ то, что тамъ на Родинѣ, подъ спудомъ, въ затаенномъ, скрытомъ состояніи хранятся не только иконы, натѣльные кресты и разныя вещи, связанныя съ дорогими воспоминаніями о прежнихъ временахъ, но хранится также и память о Царѣ-Мученикѣ.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ въ 1913 году

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

"Да будетъ вѣчная память"... Эту вѣчную память Церковь обѣщаетъ всѣмъ, отходящимъ въ иной, невѣдомый, загробный міръ. Можетъ быть, это справедливо въ планѣ духовномъ, но въ живой, неустанно бѣгущей впередъ человѣческой жизни, — вѣчная память — лишь сладкое утѣшеніе.

"Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей.
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей"...

Все проходитъ, все умираетъ, все забывается и исчезаетъ безслѣдно навсегда, какъ вѣтеръ, который промчался и нѣтъ его. Бѣжитъ потокъ не останавливаясь и не задерживаясь. Одни поколѣнія смѣняютъ другіе; одни событія бѣгутъ за другими. Истоптана человѣческими ногами длинная, убѣгающая дорога жизни и невозможно сохранить на ней слѣдовъ тѣхъ, что прошли раньше. Только иногда, только кое-гдѣ, замшелыя, изсиня-бурыя, могильныя плиты, черепки, камни, или иные какіе-либо знаки, случайно уцѣлѣвшіе, напоминаютъ о человѣкѣ, который жилъ и умеръ; о жизни, которая когда-то прошла.

Но есть особые люди, отмѣченные таинственнымъ перстомъ судьбы. Память о нихъ не поглощаетъ забвеніе, не стираетъ и не уничтожаетъ неумолимое время. Имена ихъ переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ изъ тысячелѣтія въ тысячелѣтіе. Чѣмъ дальше отходятъ они, тѣмъ больше приковываютъ взоры потомковъ. Какъ одинокіе курганы въ широкой степи, — они остаются на страницахъ исторіи. Вокругъ ихъ жизни сплетаются тайны, создаются легенды, о нихъ разсказываютъ сказки, слагаютъ былины и поютъ пѣсни. Потомки ихъ настойчиво пытаются проникнуть въ заповѣдный міръ, чтобы разгадать тайну ушедшей жизни.

Въ разрядъ такихъ историческихъ личностей пе-

рейдетъ и нашъ благородный, незабвенный Государь Императоръ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ и Его супруга Царица АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА. Слишкомъ огромна и мучительна была трагедія ихъ жизни. Она превосходитъ все, что намъ было извѣстно изъ классическихъ драмъ глубокой древности. Эта трагедія особаго порядка: она пронизана свѣтомъ изумительной, рѣдкой духовной красоты. Она свершилась на землѣ, но въ послѣдніе роковые дни, она закончилась какъ бы внѣ ея. Государь и Государыня явили своей жизнью немеркнущій образецъ святости.

Рокъ преслѣдовалъ ихъ на протяженіи всей жизни. Они всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ стремились дать Россіи миръ, счастье и благоденствіе, а судьба поднесла Ходынку, Японскую войну, Цусиму, революцію, новую войну и новую революцію. Они искали личнаго счастья, покоя, — но никому не выпало на долю столько страданій, горя, волненій и тревогъ, какъ имъ.

Враги монархіи и враги Россіи сплели вокругъ царственной четы паутину отвратительной, цѣпкой клеветы, сплетенъ и великой неправды. Сплели сознательно для того, чтобы подточить основы трона, расшатать его, свалить и надѣть на голову Вѣнценосца вмѣсто шапки Мономаха терновый вѣнецъ мученика. И они достигли своей цѣли.

Пройдутъ, быть можетъ, долгіе годы, пока вся ложь, вся гнусная клевета и неправда разсѣются, развѣются и засіяетъ ликъ царевъ свѣтомъ солнечнымъ и предстанутъ они потомкамъ такими, какими были въ дѣйствительности, — съ кристально чистой душой и благороднымъ сердцемъ.

Высокая апостольская доля провозглашать истину въ нашъ вѣкъ предательства, вѣроломствъ, моральнаго озвѣренія и низкой злобы, когда совѣсть у людей заглохла и только жало ехидны работаетъ безъ устали.

Политическіе враги монархіи продолжаютъ отстаивать свои точки зрѣнія на царствованіе послѣдняго Императора. Они еще не могутъ спокойно и безстрастно взглянуть назадъ, не могутъ признать свои ошибки и не могутъ покаяться въ своихъ заблужденіяхъ. Имъ ненавистна та правда, которая говоритъ о расцвѣтѣ Россіи подъ скипетромъ Императора НИКОЛАЯ. И они нападаютъ на тѣхъ, кто свидѣтельствуетъ объ этой правдѣ, кто чтитъ память мучениковъ. Они возводятъ хулу на нихъ, корятъ ихъ прежними прегрѣшеніями, насмѣхаются надъ ихъ нынѣшнимъ усердіемъ и подвергаютъ сомнѣніямъ искренность ихъ чувствъ.

Домъ Ипатьева въ Екатеринбургѣ — Послѣдній этапъ, гдѣ произошло злодѣяніе

Въ 1936 году, Керенскій, дѣлая докладъ въ Парижѣ на тему: "Почему не удалось спасти Царя и Его Семью", бросилъ по адресу монархистовъ жестокія, бичующія и презрительные слова.

"Если вы теперь, господа, разыгрываете рыцарей, вѣрныхъ долгу, то поздно спохватились"...

"Монархисты предали своего монарха. Если бы нашелся хоть одинъ вѣрный долгу полкъ, вѣдь отъ насъ тогда ничего бы не осталось".

"Четверо сутокъ провелъ Царь въ Ставкѣ и не нашлось ни одного генерала, который бы предложилъ Ему спасти Тронъ"...

"Государь остался совершенно безъ вѣрноподданныхъ. Процарствовавъ двадцать три года, Онъ очутился въ жуткомъ, нечеловѣческомъ одиночествѣ"...

Да, Керенскій правъ. Многіе изъ тѣхъ, у кого въ рукахъ была власть и сила, въ роковые отвѣтственные дни, не проявили мужества, дерзанія и смѣлости, чтобы подавить бунтъ. У многихъ какъ-бы обмертвѣла воля и не оказалось государственнаго чутья, предвидѣнія и дальнозоркости. Никто не поддержалъ Царя въ его страшный часъ. "Вѣрноподданные" на верхахъ добивались отъ Него только отреченія "во имя блага родины". Иные растерялись, поблекли и пассивно поплыли по теченію. А тѣ, которые явно и тайно желали переворота, привѣтствовали революцію. Какимъ горькимъ укоромъ прозвучали слова покинутаго Монарха: "Кругомъ трусость, предательство и измѣна"...

Надо признать и эту правду. Многіе смалодушничали и отреклись и бѣжали постыдно. Думали больше о своей судьбѣ, о спасеніи своей жизни, нежели о судьбѣ Помазанника и о судьбѣ Россіи. Такъ было уже нѣкогда. — "Прежде нежели пѣтель возгласи, трижды отречешься отъ Мене"... И Петръ отрекся. — "Не знаю человѣка сего"... "И исшедъ плакася горько"... Такъ произошло и съ нами. Многіе, какъ и Петръ, скоро раскаялись и не разъ плакали горько безсильными слезами. Увы, прошлаго не вернуть и мертваго Государя не воскресить. Надо смотрѣть въ глаза реальной жизни. Россія несется въ пространствѣ міра по таинственнымъ путямъ исторіи. Куда и къ какимъ берегамъ приведетъ судьба ея державный корабль, — мы не знаемъ.

Но вѣруя въ Россію живую, вѣчную; вѣруя въ нашъ великій народъ и желая ему въ будущемъ славы, чести, благоденствія и процвѣтанія, не должны ли мы

стремиться посильно освѣтить для грядущихъ потомковъ исторію послѣдняго царствованія Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Всякій честный русскій патріотъ на этотъ вопросъ отвѣтитъ утвердительно. Это нашъ долгъ передъ нашей исторіей, передъ Государемъ и Государыней. Подобно галилейскимъ рыбакамъ, надо неустанно провозглашать правду о жизни царственной четы; надо очистить ихъ свѣтлые лики отъ той грязи и клеветы, которой очернили ихъ люди, подготовлявшіе революцію, или плывшіе по теченію.

Судебный слѣдователь Н. А. Соколовъ, въ своемъ разслѣдованіи Екатеринбургской драмы, отмѣтилъ:

"Временное Правительство, арестовавъ Царя и Царицу, отобрало ихъ документы, перерыло архивы дворцовъ, допросило множество лицъ и, продѣлавъ все это, пришло къ выводу: "Нѣтъ ихъ вины. Истина есть истина". Такой же суровой, честной правдой звучатъ заключительныя строчки доклада Временному Правительству Прокурора Чрезвычайной Комиссіи А. Ф. Романова:

"Итакъ, революціи не удалось осудить прежнюю власть за тяжелыя, уголовно-наказуемыя дѣянія. Не знаю, — осудить ли ее исторія за политическую дѣятельность. Если даже она и осудитъ, то я твердо вѣрю, что на свѣтломъ имени благороднаго Царя-страдальца она не оставитъ ни одного пятна отъ той грязи, которой Его хотѣли забрызгать".

Жизнь Государя и Государыни представляетъ образецъ, которому надлежитъ слѣдовать всѣмъ намъ. Они поднялись на недосягаемую для смертныхъ высоту духа. Находясь въ заключеніи, предоставленный произволу палачей, томясь духомъ, Государь простилъ всѣмъ. Больше того, — Онъ молился за своихъ враговъ. Это ли тотъ "кровавый Николай", какъ истерично кричали предатели. Это ли тотъ "ничтожный, жалкій, безхарактерный, безвольный, злой человѣкъ", какъ утверждала лживая, порочная пресса и клеветническая молва.

Мы знаемъ, что больная, уже немощная тѣломъ, но озаренная неземнымъ величіемъ духа, Государыня, — несчастная мать несчастныхъ дѣтей, неустанно молилась за свой народъ, за многочисленную Россію.

"Чувствую себя матерью этой страны, писала Она изъ Тобольска, — и страдаю, какъ за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на всѣ ужасы теперь и всѣ согрѣшенія. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь изъ моего сердца и Россію тоже, несмотря на чер-

Государевъ Федоровскій Соборъ въ Царскомъ Селѣ

ную неблагодарность къ Государю, которая разрываетъ мое сердце, — но вѣдь это не вся страна. Болѣзнь, послѣ которой она окрѣпнетъ. Господи! Смилуйся и СПАСИ РОССИЮ"...

Пусть каждый честный русскій человѣкъ представитъ себѣ тѣ страшныя условія жизни въ заточеніи, въ которыхъ жила царская Семья и спроситъ у своей совѣсти, любитъ ли онъ также сильно свою родину, какъ любила ее несчастная Царица. Похожа ли Она на ту "ненавистную нѣмку", которую травило русское общество и объ измѣнѣ которой, такъ жестоко и подло заявилъ въ Государственной Думѣ лидеръ Кадетской партіи.

"Покайтеся" — взывалъ часто Христосъ къ іудеямъ. Въ этомъ покаяніи Онъ видѣлъ нравственное воскресеніе человѣка, его перерожденіе. Никогда не поздно каяться, никогда не поздно честно сознаться въ своихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ. "Блаженны и тѣ, которые пришли въ 12-й часъ"...

Никогда вѣра въ торжество правды не покидала русскій народъ, искавшій постоянно Бога живого и горнюю, чистую, незапятнанную истину. Часто и низко падалъ онъ до самого дна, но и поднимался къ солнечнымъ вершинамъ. Широка и могуча русская натура.

"Конь мой, конь, славянскій конь,
Дикій, непокорный.
Есть намъ, конь, съ тобой просторъ.
Міръ забывши тѣсный,
Мы летимъ во весь опоръ
Къ цѣли неизвѣстной.
Чѣмъ окончится нашъ бѣгъ?
Радостью ль? Кручиной?
Знать не можетъ человѣкъ —
Знаетъ Богъ единый.

(Графъ А. Толстой).

Живетъ въ русском сердцѣ страстная, любовная мечта о той Россіи, которую воспѣли поэты, которая проложила свою дорогу по тысячелѣтнему шляху, вышла на великіе міровые просторы, раскинулась въ Европѣ и въ Азіи и любуется на моря и океаны.

Богъ далъ намъ дары Духа Святаго: душу, созданную по образу и подобію Божію; вѣру въ правду и въ неисповѣдимость судебъ; стремленіе къ прекраснымъ чистымъ идеаламъ и неумирающую надежду на лучшее будущее, даже тогда, когда стоитъ глухая ночь.

Придетъ желанная пора, когда снова выйдетъ Россія на свой великодержавный путь. Тогда опять заблестятъ на необъятной шири нашей родины, подъ голубымъ небомъ, среди дремучихъ, вѣковыхъ лѣсовъ и у тихихъ зеркальныхъ рѣкъ, маковки церквей и бѣлыя монастырскія стѣны.

Пронесутся бури, улягутся грозы, успокоится бѣшеная русская тройка. Величавымъ, твердымъ шагомъ пойдетъ Россія къ своему прекрасному будущему. Можетъ быть, это будетъ не скоро, но будетъ непремѣнно. Такова душа русскаго народа, такова наша исторія.

И это будетъ снова Святая Русь — благословенная и великая, очищенная великими страданіями и слезами.

Дожившій до этого свѣтлаго дня, услышитъ тогда торжественный пасхальный благовѣстъ; Услышитъ радостный весенній шумъ новой жизни.

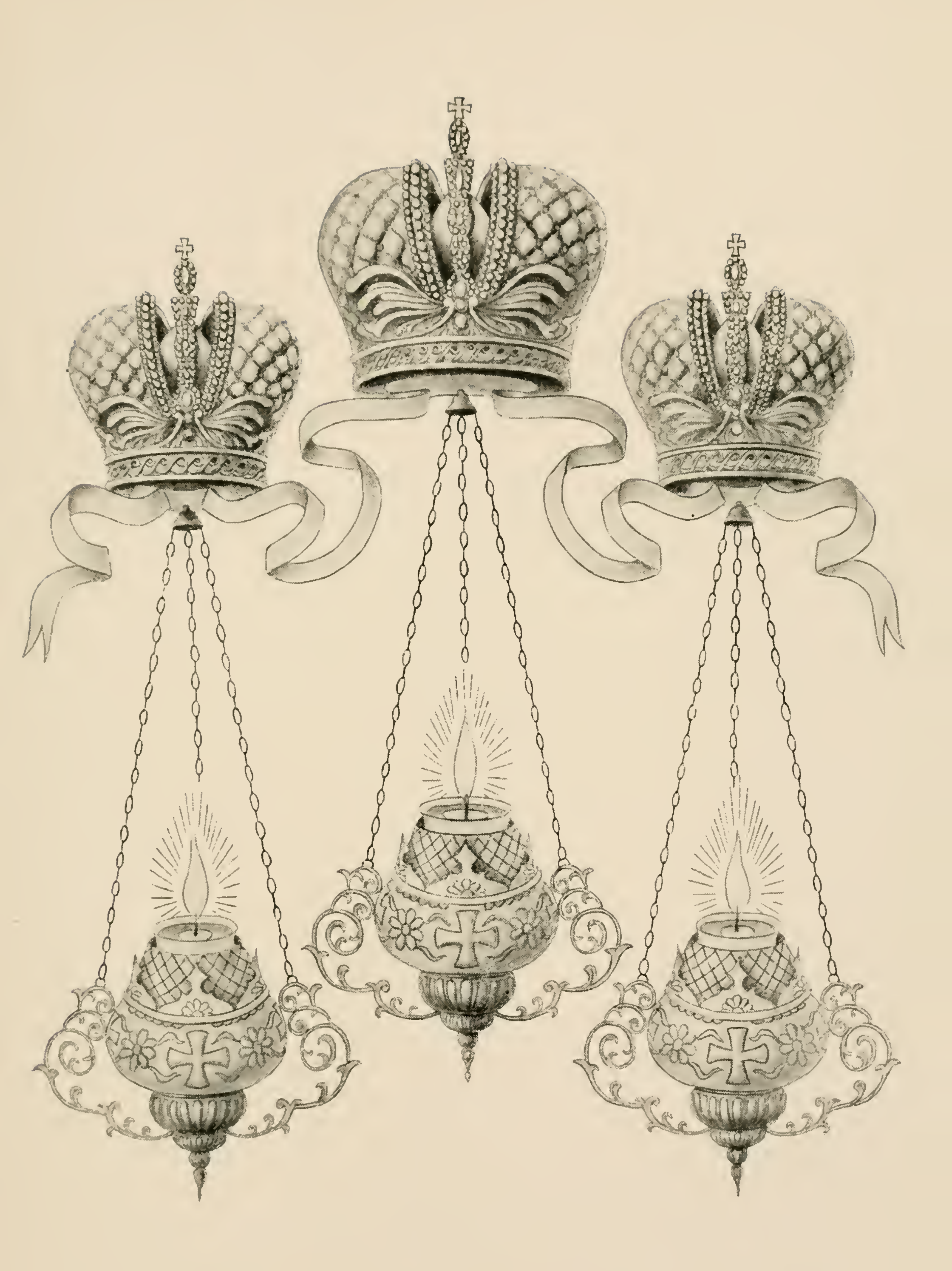
"Московскіе Кремлевскіе, литые, сладкозвонные гудятъ колокола"...

И не вмѣститъ сердце ликующихъ чувствъ, потому что это будетъ воскресеніе изъ мертвыхъ.

Тогда помянетъ Россія убіеннаго Царя и Царицу, ихъ дѣтей и сонмъ священнослужителей и мирянъ, погибшихъ за вѣру и правду въ годы смуты и гоненій, прославитъ она имена ихъ, какъ имена новыхъ святыхъ русскихъ великомучениковъ.

ВЪ ТѢ ДНИ ОЗАРИТСЯ ИПАТЬЕВСКІЙ ПОДВАЛЪ ТИХИМЪ, МЯГКИМЪ СВѢТОМЪ НЕУГАСИМЫХЪ ЛАМПАДЪ И БУДЕТЪ ГОРѢТЬ ЭТОТЪ НЕМЕРКНУЩІЙ СВѢТЪ ВО ВѢКИ ВѢКОВЪ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

На первомъ печатном листкѣ (от автора) на 12 строкѣ

напечатано	должно быть
"приздаетъ"	признаетъ

На страницѣ 47, строка 30"

Непризвольно	Непроизвольно

На той же страницѣ строка 37

"провожеатъ"	провожает

На страницѣ 64, на 6 строкѣ снизу

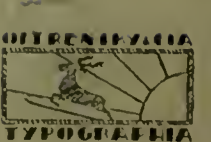
"Многочисленную"	Многострадальную

Эта книга напечатана
въ Санъ Пауло (Бразиліи)

въ типографіи
Іосифа Пименовича
Остренскаго

въ іюнѣ 1949 года

въ количествѣ тысячи
экземпляровъ.

TYPOGRAPHIA